

С (Чув.)
К Р 48
20650-кр.

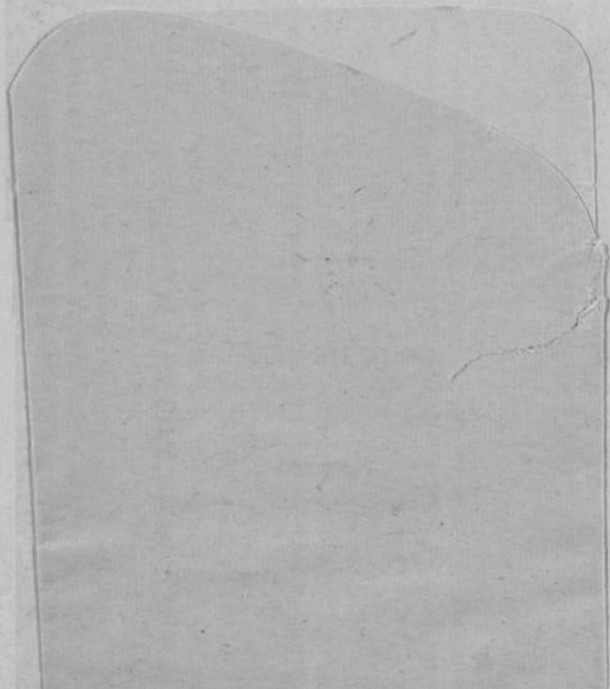
Василий
Ржанов

ЭНТИП

Национальная библиотека ЧР

k-020650

Кер
ВАСИЛИЙ РЖАНОВ

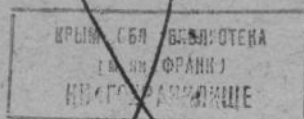
с (чуж)
р 48

Родимому краю и его талантливому сыну — народному артисту республики Борису Алексеву с любовью посвящаю.

Э Н Т И П

драма в 4 действиях, 11 картинах

598650

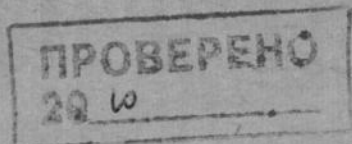

ЧУВАШСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

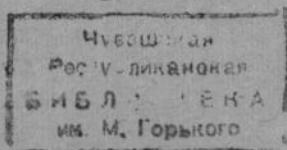
Чебоксары — 1964

ОГЛАВЛЕНИЕ

Действие первое	Стр. 5
Действие второе	21
Действие третье	43
Действие четвертое. (9 картина. Перевод автора)	59
Заключительная картина. (Перевод автора)	78
О драме «Энтип»	87

20650-68

Р ж а н о в Василий Тимофеевич ЭНТИП

(Драма)

На русском языке

Авторизованный перевод с чувашского
Петра Григорьевича Дёмина

Ответственный за выпуск А. Н. Андреев
Редактор перевода Н. С. Павлов
Художественный редактор М. А. Ильин
Технический редактор А. Ф. Никитина
Корректор В. Н. Иванова

ИТ 01437. Сдано в набор 9-V-1964 г. Подписано к печати 8-VII-1964 г. Изд. № 101/64. Формат 84×108 1/32. Объем 4,62 печ. л. Учетно-изд. л. 4,48. Заказ № 1826. Тираж 1500 экз. Цена 22 коп.

Чувашкигиздат, Чебоксары, К. Маркса, 36.

Типография № 1 Управления по печати
при Совете Министров Чувашской АССР
Чебоксары, Володарского, 5.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Энтип Алмазов.

Анна — его жена.

Володя }
Сандор } — их сыновья.

Олимпиада — жена Володи, артистка.

Антоша — соседский парень, сирота, друг Сандора.

Пинарин Никита Петрович — бывший батрак,
председатель волисполкома, позже
секретарь волкома и райкома партии.

Ульяна — его жена, батрачка, позже помощница земле-
устроителя и председатель колхоза.

Миша }
Тоня } — их дети.

Смолин Андрей Иванович — путиловец, началь-
ник продотряда, позже двадцатипяти-
тысячник, секретарь райкома.

Кокшаев Георгий Михайлович — учитель шко-
лы крестьянской молодежи.

Шарашкин — бывший эсер, ответработник облизпол-
кома, позже работник райземотдела.

Соколов

Настюк — его жена.

Степанида

Матвей Ильич

} — односельча-
не Энтипа.

Митруха	}	-- односельчане Энтипа
Ахмар — кулак		
Архип Волков — подручный Ахмара		
Кулобаев (Чишка)	}	— компания Ахмара из соседней волости.
Лариван		
Петток		
Красногвардеец	}	— из продотряда Смолина.
Рабочий		
1-й чекист.		
2-й чекист.		
Понятой		

Народ. Парня и девушки.
Время событий — 1917—1941 годы.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Картина первая

Крестьянская изба с двумя окнами. Анна возится в чулане у печки. Распахивается дверь, и в избу врывается Энтип. С улицы доносится завывание ветра: сильная метель.

Энтип. Анна! Слышишь? Анна!

Анна (*выглянув из чулана*). Что стряслось? Хотя бы дверь закрыл, заморозишь.

Энтип. Э-эх!.. (*Суетливо обшаривает полаты.*) Вот беда, вот беда...

С печки выглядывают Сандор и Володя.

Анна (*прикрывая дверь*). Говорил бы толком. Что случилось?

Энтип. Деньги!.. Деньги пропали!

Анна. Деньги? Батюшки!.. Сунул, чай, куда-нибудь?

Энтип. Никуда не совал, в лачуге под лесенкой были.

Анна (*покачав головой*). Деньги под лесенкой!..
(Пауза.) А что же ты в доме роешься?

Энтип. Экая бестолочь! Молчала бы уж!

Анна. Кабы наперед знать — хоть бы солью да спичками запастись...

Энтип. «Спички!» Нашла тоже... Как же мы теперь?! Беда беду погоняет... Годами спину гнул, не спамши, не емши, — копил, думал крышу покрою... (*Вскакивает.*) Ух, узнать бы только!.. (*Отшвырнув ногой табуретку, уходит.*)

Анна (*смотрит вслед*). Так вот... Ты от беды, а она за углом... (*Уходит в чулан.*)

В сенях всполошились куры.

Энтип (*возвращается с петухом*). У, нечистый дух, насилиу поймал!..

Анна (из чулана). Кого поймал? Вора?

Энтип. «Вора»... Не видишь?

Анна (выходит). Господи, петуха-то зачем?

Энтип. Погоди! Погоди ты, ради христа! Кто у нас в воскресенье был?

Анна. Всех-то разве упомнишь? Утром Ахмар на работу звать приходил... Потом Петр Соколов за пилой зашел... Матвей был...

Энтип. Еще?

Сандор (высунувшись с печки). Митруха!

Энтип. А-а-а... Значит, Митруха Казаков? Так, так...
Еще кто?

Сандор. Еще Архип Волков приходил. Все спрашивал: «Куда отец ушел, когда вернется?»

Энтип. Ну-ка, Сандор, бегом! В момент позови!

Сандор. Кого?

Энтип. Петра, Митруху, Матвея — всех!

Сандор. И дядю Архипа?

Энтип. И его!

Анна. С ума спятил! Так ты всех соседей отвадишь.

Энтип. Знай свое дело! (Володе.) А ты чего молчишь?

Володя. — Я — ничего.

Энтип. Иди за Ахмаром. Ну!

Сандор и Володя, спрыгнув с печки, убегают.

Анна. Курам смех! Стыда-то!.. Безвинных срамить! Бога бы побоялся! Что люди скажут?

Энтип (заходя в чулан). «Люди...» Что мне люди! Из-за них мне без портов оставаться? «Люди...»

Анна (заглядывает в чулан). Ты и впрямь рехнулся!

Энтип (выходит. Лицо и руки в саже; петух — тоже).
Где табуретка?

Анна. Какая? Вон же, под носом.

Энтип. Не эта! Дедова...

Анна. В сенях, наверно... Ну, мне хлеба сажать пора.
(Уходит в чулан.)

Энтип (приносит табуретку, ставит посреди избы, накрывает чапаном*, пускает под табуретку петуха). Ну, петушок — красный гребешок, укажи-ка, кто на мое добро позарился?

Анна (выходит из чулана с пустыми ведрами). По-

* Одежда домашней выделки типа тулупа.

глядел бы на себя, на кого стал похож? Весь в саже вымазался! (Уходит из избы.)

Энтип. Ну, господи благослови!.. (Подходит к божнице, зажигает свечку, торопливо крестится, затем молитвенно складывает руки.)

Матвей (входит). Доброго здоровья, Энтип! Как поживаем? (Удивленно смотрит на молящегося Энтипа.)

Входят Петр Соколов и Митруха Казаков,
весь в лохмотьях.

Соколов (снимая шапку). Несчастье какое приключилось? Не помер ли-кто?

Митруха (недоуменно разводит руками. Подходит к Матвею. Тихо.) Зачем он позвал?

Матвей (так же тихо). Не знаю.

Энтип (крестясь). О боже, боже!

Все удивленно переглядываются. Молчание.
Появляются Ахмар и Архип Волков.

Архип. Вот так штука! Сандор говорил — в гости зовут, а тут молятся!

Ахмар. Что случилось, Энтип?

Энтип (оборачиваясь). Тебя, Ахмар, я позвал как представителя власти.

С ведрами возвращается Анна, не глядя ни на кого, проходит в чулан. Энтип продолжает молиться.

— Боже милостивый, боже всемогущий! Всевышний отче! Коли ты на самом деле наш хранитель, услышь мою молитву: укравшего мое добро, покарай безжалостно, разрази его громом, лиши ума-разума!..

Матвей (догадавшись). Энтип, что это ты нас срамишь?!

Соколов. Уму непостижимо! Что он?

Энтип... Лишишь ума-разума, высуши ему руки и ноги. А высушишь руки и ноги, навеки прокляни его!

Митруха. Помереть на месте,—сроду чужого не брал.

Матвей. Что ж, коли из веры вышли, присягу принимать будем.

Энтип. Раз так,— повернитесь к этой табуретке. Сто лет назад ее мой дед из Амаксырской киремети* принес. Кто золотухой болел, у кого ноги опухали — все посидели на этой табуретке, все исцелялись... А воров и грабителей она тут же угадывает. По божьему велению вы сейчас примете присягу. Пусть каждый из вас запустит руку под чапан и погладит там петуха. Дотронется до него вор — он закукарекает, а как закукарекает — так бог смертельно поразит злодея, а как поразит — ум вышибет, как вышибет ум — руки-ноги высушит, а как высушит руки и ноги...

Архип. Хватит, Энтип! Бог и к нам не без милости! *(Повернувшись к иконам, крестится, руки заметно дрожат.)* Помилуй бог!.. *(Запускает руку под чапан. Вытащив ее, прячет за спину, отходит в сторону.)* Ну вот, видишь! Не кукарекал!

Матвей. За правду... *(Прodelывает то же самое и становится рядом с Архипом.)*

Соколов. Эх, была не была... Где там петух-то? *(Запускает руку под чапан.)* А-а, вот он!..

Митруха смотрит на запачканные сажей руки Матвея и Соколова, смеется.

Энтип *(сердито взглянув на Митруху)* Ты...

Митруха. А Ахмар?

Ахмар. Что?!

Энтип *(хмуро)*. Анна! Твой черед.

Анна *(из чулана)*. Греха бы побоялся! И жене перестал верить? *(Плачет.)* Господи!

Митруха. Коль на то пошло... *(С улыбкой приподнимает полу чапана, сует руку под табуретку, а затем встает рядом с Архипом Волковым.)*

Энтип. А теперь покажите руки!

Все протягивают руки. У Архипа ладони не в саже.

* Амаксырская киреметь — возвышенное место, окруженное с трех сторон озером, где будто бы пребывал злой дух. По преданию, полуостровом владел какой-то могущественный человек по имени Амак, который имел для нашествий на приволжские деревни целую флотилию. Он совершал разбойничьи набеги, держал в страхе и покорности жителей приволжских деревень. «Дух» Амака будто бы жил под сосной, посаженной самим Амаком на возвышенном месте. Ни один чуваш в прошлом не осмеливался выразить свою непочтительность к сосне и окружающим предметам.

Энтип страшит своих соседей духом Амака, желая разоблачить укравшего его деньги.

Энтип (*пристально глядя в глаза Архипа*). Ты что же это, а? До чужих денег дотронуться посмел, а петуха побоялся?

Ахмар (*оттолкнув Энтипа в сторону*). Ты выбрось этого чертова петуха! Неправду он у тебя показывает. Воровать Архип Илларионович — не бедняк. (*Показывая палкой на Митруху*.) Вот кто стащил твои деньги!

Энтип (*потрясен*). Послушай, Ахмар, мой петух...

Ахмар. Замолчи! Выкинь, сказано тебе. (*Снова показывает на Митруху палкой*.) Это он сделал!

Митруха. Позоришь ты меня, Ахмар: с голоду сдохну, но чужого не возьму!

Ахмар. Ах, ты, бездельник, беспортошная сволочь!

Митруха. Бедностью ты меня не укоряй. Будь у меня хоть десятая доля твоей земли...

Ахмар. Ах, ты, скотина! На мою землю заришься!..

Архип. С ворами у нас разговор короткий... (*Хватает Митруху за грудь*.) Говори, пока башку не свернули, где деньги?

Ахмар. Скидай кафтан! Несите кнут!

Анна (*выходя из кухни*). Люди! Энтип! Греха бы побоялись: человек-то присягнул, невинного губите...

Митруха. Коли найдете хоть грош!..

Архип. Признавайся, куда потроха не выпустили!

Матвей (*вплотную подходит к Архипу; гневно*). Отвяжись, горлопан! Митруха — честный человек.

Энтип. Разорили! (*Табуретку с петухом выбрасывает в сени*.)

Сандор (*вбегая*). Мама! К нам какой-то солдат...

Входят Пинарин и Володя. Пинарин в старой армейской форме, без погон. Он слегка прихрамывает на левую ногу. Ахмар злобно глядит на Пинарина и отходит в сторону.

Пинарин. Здравствуйте! (*Все молчат*.) Что тут происходит?

Энтип. Деньги украли! Деньги!

Пинарин. Какие деньги? У кого?

Энтип. Деньги как деньги. Керенки — разве не деньги? А николаевские?..

Анна. Вся беда на свете от денег.

Пинарин. Нет, тетя Анна. И керенки, и николаевские деньги теперь не в ходу.

Анна (*вглядываясь в лицо Пинарина*). Микита! Неужто это ты?

Пинарин. Я, тетя Анна, я, Никита Петрович Пинарин, собственной персоной.

Анна. А мы своего братишку так и не дождались. (*Плачет.*)

Пинарин (*обняв за плечи Анну*). Не надо, тетя Анна, слезами горю не поможешь. (*Ко всем.*) А меня здесь, кажется, и позабыть успели?

Ахмар. Беглец!

Пинарин (*с презрительной иронией*). Нет! Ошибаешься, Ахмар, не к своему двору завернул. Не беглец я. (*С ненавистью, горячась.*) Но уж и не холуй твой. Я — свободный человек! Теперь твой бывший батрак свою жизнь будет по-своему строить.

Соколов. Как ты сказал, Микита?

Митруха. И я слышал, будто оно так должно быть.

Архип. Ишь ты! Ожил...

Соколов (*Архипу*). Помолчи лучше!

Пинарин. Слушай, Энтип, плюнь ты на свои керенки, они теперь гроша ломаного не стоят.

Архип. Как?!

Ахмар незаметно отталкивает Архипа в сторону.

Энтип (*вплотную подходит к Пинарину*). Что ты говоришь, Микита? Ты, Микита, сначала потрудишься, попотеешь, накопишь добро, а потом уж плюнь...

Ахмар. Что ему! Босяком ушел — босяком и вернулся... (*Хохочет.*)

Хихикает и Архип.

Пинарин. Пусть так. Пусть. Но знайте: такие босяки, как я, штурмом взяли Зимний дворец. Временное Правительство арестовано! Керенский удрал, в Питере теперь наша власть — власть рабочих и крестьян!

Ахмар. Врешь, антихрист! На земле испокон веку один порядок был. Его никто не может порушить!

Пинарин. Был... И царь был, и слуги были... У тебя у одного сорок десятин земли, а соседи твои без куска хлеба сидят. Теперь всё, советская власть не допустит такого...

Ахмар. Врет он! Выдумывает... (*К Пинарину.*) А ну-ка, скажи, где твоя советская власть? Что это за штука такая?

Пинарин. Это такая штука, Ахмар, что тебе она хуже горькой редьки будет, а вот для нас с Митрухой — лучше не придумаешь!

Митруха (радостно). Неужто правда, мать честная?!

Пинарин. Вся земля теперь у трудового народа будет.

Архип (злобно). Жди пирога из печки!..

Ахмар. Развесили уши, что лопухи!

Энтип. Постой-ка, Ахмар...

Анна. Микита, и на баб будут землю давать?

Пинарин. И на баб, и на ребятишек. Так решено в самом Питере.

Ахмар. Ты что, бунтарей питерских народом называешь? Дурак! Россия — тебе не Питер. Искони одна власть была... Другой не будет!

Пинарин. Будет! Она уж есть!

Ахмар (ядовито). Может, и у нас, в Медведевке?

Пинарин. Да, и у нас, в Медведевке!

Ахмар (хохочет). Анна!.. Слыхала?.. А ну, посмотри-ка у себя под печкой — нет ли там этой самой советской власти?

Пинарин. Не смейся. Есть! С этого часа мы берем власть в свои руки!

Ахмар. Кто же это «мы»?!

Пинарин. Вот: Петр Сергеевич, дядя Матвей, Дмитрий... Дмитрий... (К Митрухе.) Как вас по отчеству-то, забыл?

Митруха. Панкратыч...

Пинарин. Дмитрий Панкратович!.. И Энтип...

Энтип. Нет, нет! Меня в ваши дела не путайте. Я ничего не знаю и знать не хочу. (Уходит в чулан.)

Ахмар. Нет, постойте! Это кто же ему дал право за народ говорить?

Пинарин. Ленин! Ленин дал нам это право! (Достает из кармана листовку.) Вот что он говорит, Ленин!

Архип Волков, никем не замеченный, торопливо уходит.

Ахмар (наступая на Пинарина). Заткни глотку! Ты что, людей мутить вернулся? Связать его да в волость отправить! Архип, давай вожжи!

Соколов (сурово). А ну, попробуй! Это тебе не Ульяна!.. Читай, Микита!

Ахмар. Ну, мы еще вам покажем! (Ногой распахивает дверь и уходит.)

Пинарин (взволнованно). Братцы! А Ульяна моя где? Чего молчите, а? Где она?

Матвей. Потом, Микита, потом... Читай, потом сам все узнаешь... Читай!

Пинарин молча передает листовку Соколову.

Соколов (читает). «Земля — всем крестьянам... Ленин».

Матвей. Ленин?

(Пауза)

Энтип (выходит из чулана). Вот это да-а!.. Ловко придумано... А барскую, что на равнине, тоже раздавать будут?

Пинарин. А ты как думаешь!

Энтип (подходит к Соколову, берет у него листовку, вертит в руках, читает по буквам). «Л-е-н-и-н»... (Отходит. Долго стоит в раздумье.)

Занавес.

Картина вторая

Декорация та же. У икон слабо светится лампадка. За окнами ранний рассвет. Все спят. Вдруг слышится лай собаки.

Анна (испуганно вскакивает с постели, зажигает лампу). О, господи! Что это она всполошилась? Зря никогда не лаяла... (Взглянув в окно.) Энтип, вставай-ка, вставай!

Сильный стук в дверь. Собака заливается отчаянным лаем.

Энтип (спросонья). Кто там?

Стук повторяется. Сандор и Володя спрыгивают с печки, в страхе жмутся к матери.

Голос (за окном). Откройте!

Анна. Кажись, русский...

Энтип. Где топор?

Анна. Опомнись, что ты! Малость умеешь по-ихнему, спросил бы: человек, может, с дороги сбился...

Настойчивые удары в дверь.

Анна. Господи помилуй!.. Открой, Энтип...

Энтип (достаёт из-под скамьи топор, прячется в чулане). Открывай. Коли что — я отсюда...

Сандор и Володя забиваются под нары. Анна открывает дверь. Входит высокий, широкоплечий человек в потертой кожаной тужурке. Это — Смолин.

Смолин (дрожит, тревожным взглядом обводит жилище). Кажется, не ошибся... Простите, потревожил... Хозяева вы? (Снимает шапку, вытирает ею мокрое лицо, бессильно опускается на стул.)

Анна (Энтипу). Что ты там, как медведь, хоронишься? Вышел бы, поговорил: с человеком, видно, неладно... Застыл весь... (Детям.) Дайте валенки, пусть переобуется. Я молоко вскипячу. (Идет в чулан.)

Сандор, крадучись, вылезает из-под нар, достаёт с печки старые валенки, незаметно ставит их у ног Смолина и тут же снова ныряет под нары. Энтип осторожно выходит из чулана, одна нога в валенке, другая босая; хмуро смотрит на неизвестного гостя.

Смолин (заметив Энтипа). Хозяин?

Энтип молчит.

— По-русски знаешь? Ты хозяин?

Энтип (нервно набивая трубку). Этак...

Смолин. Хорошо. Будем знакомы. Смолин. Из Питера. От рабочих... Как зовут?

Энтип. Как сказать... Одни Энтипом Киркой зовут, другие просто Киркой...

Смолин. Кирка — это фамилия?

Энтип. Алмазов — фамилия.

Смолин (с трудом вставая на ноги). Вот что, друг... Товарищ Алмазов... (Кладет руку на плечо Энтипу.) Сколько верст отсюда до Ильинки?

Энтип (отстраняясь). Не мерил.

Смолин. А все же?

Энтип. Одни говорят — три, другие — три с гаком...

Смолин. А напрямик?

Энтип. Прямым, может, два, может, и два с половиной.

Смолин. Лошадь есть?

Энтип. Лошадь?.. Как сказать... (Хмуро.) Зачем тебе моя лошадь?

Смолин. Дом ильинского помещика знаешь?.. (Вынимает блокнот, пишет.) Вот эту записку отвези туда как можно скорее. (Протягивает Энтипу.) Там мои товарищи...

Энтип молчит; записку не берет.

— Не знаешь дом помещика?

Энтип. Знать-то его все знают... Да ведь я... как сказать... человек несведущий: что и к чему — не соображаю...

Анна (выходит из чулана, в руках миска с молоком, хлеб, ложка). Горячего молока... С холода больно хорошо... Сказал бы ему, Энтип...

Энтип (Смолину). Гм-м... Хозяйка молоком хочет вас угостить... (Жене.) Угощай, угощай, а потом хлеб из сусека выгребать будет.

Смолин. Спасибо, хозяйюшка. (Энтипу.) Бери записку. На сборы две минуты.

Энтип ни с места.

— Ну?.. Или...

Во дворе лает собака. Смолин быстро встает, выхватывает револьвер.

Анна. Ах, господи!..

Сандор и Володя с плачем выскакивают из-под нар, прижимаются к матери. Энтип не шевелится, тупо уставившись на наган. Долгая, напряженная пауза. Собака успокаивается.

Смолин (садится). Слушай, хозяин, не враг ты, я знаю. Но если сейчас же не поскачешь — буду разговаривать, как с врагом... Иди!.. Считаю до пяти. Раз... два... три...

Анна (подскочив к мужу). Энтип! Будь же человеком, стоишь, как истукан! Он о чем-то просит тебя? Послушайся! А то кабы самим плохо не было. Сердце недоброе чувствует...

Энтип (срывает с гвоздя чапан, со злостью одевается). Откуда только он свалился на мою голову? Что ни день, то беда! И зачем только я на краю деревни построился? Ни один бродяга не обходит. (Выхватывает из рук Смолина записку, бросает ее в шапку, и, заткнув за пояс топор, быстро выходит...)

Смолин. Вот это другое дело! (Прячет револьвер в карман.)

Анна. Не сердитесь на него: это у него спросонья... (Показывает на валенки.) Наденьте, наденьте: пусть ноги согреются. Молоко вот...

Смолин. Спасибо, спасибо, хозяйюшка... (Перебувается.)

Анна (детям). Отца пойду провожу... (Уходит.)

Сандор. Ты только скорее!

Володя. Мама, не уходи!

Оба прячутся под нары. Во дворе раздается стук конских копыт и вскоре замирает, удаляясь.

Смолин (прислушивается). Успеет ли?.. (К детям.)

Ребята под нарами тихонько плачут.

— Где же вы, мальцы? Испугались немножко? Не бойтесь... (Подходит к столу и начинает есть.)

Анна (возвращается). Молоко-то, чай, остыло?

Смолин. Эх, знали бы наши путиловцы, как я тут хлеб с молоком уписываю!..

Анна (испуганно). Никак ругается... Уж не подумали, что я хлеба жалею?.. (Отрезает большие куски от каравая, кладет перед Смолиным.)

Снова лает собака. Смолин настораживается, встает.

Кто-то дергает дверь.

1-й голос (за дверью). Заперто.

2-й голос. Открой!

Анна. Господи, что за люди? Что им нужно?

Смолин. Та-а-к!.. Неужто выдал?.. Не бойся, хозяйюшка... Это, кажется, за мной. Ночью кулачье из соседней деревни разгромило наш обоз с хлебом. Убили моего товарища. Теперь за мной гонятся. Не бойся, вас они не тронут...

Анна. Мать-пресвятая богородица, спаси нас!

1-й голос. Что там шепчетесь? Сейчас же откройте.

2-й голос. Эй, Энтипова жена! У вас находится нужный нам человек. Открой!

Анна. Господи, помилуй!.. Да нет у нас никого чужого...

1-й голос. Не ври, есть! Открывай!

Смолин. Выдал... (Встает у двери, взводит курок револьвера.)

Анна. Господи!..

1-й голос. Долго еще будешь возиться, чертова баба?

2-й голос. Эй, дверь будем ломать!

В сенях на мгновение становится тихо, но потом со звоном разбивается стекло, в избу влетает камень.

Анна (слабо). Ай!

Смолин. Спрячьтесь! Спрячьтесь куда-нибудь..
(Встает в простенке.)

На улице слышны разъяренные голоса. В окно летит еще один камень. Под нарами тихо плачут ребята. Чем-то тяжелым осаждающие бьют в дверь.

Володя. Мама!..

В окно просовываются вилы, кто-то пытается ворваться.

Смолин. Прочь! (Дает два выстрела.)

Голоса. А-а, гад, стреляет! Не хочет живьем сдаваться! Огнем его выкурить!

Выжидательная тишина. За окном шуршат соломой.

1-й голос. Поджигай!..

Ставни наглухо закрываются. Вскоре через их щели пробиваются отблески пламени.

Смолин (бросается к двери, тщетно пытается открыть, но она заперта снаружи). Стойте! Здесь дети! Откройте, я выхожу...

Анна (с плачем выбегает из-за печки). Господи! Чем это мы провинились!.. Хуже бешеных собак. (К Смолину). Слушай... Уходи... Богом прошу... Уходи!.. Из-за тебя всех нас убьют... Пожалей ребятишек, уходи... (Подбегает к двери, тщетно пытается открыть. Цепенеет от ужаса.)

Смолин (мечется, не зная, что делать. Хозяйку и плачущих детей заталкивает в чулан. Подбегает то к окнам, то к двери, бьет кулаком). Откройте, гады! Откройте, я выхожу. (Снаружи не отвечают). Откройте, не губите невинных!..

Анна. Люди! Помогите!

Тихо потрескивает пламя за окном. Вдруг доносятся отдаленные выстрелы, конский топот.

1-й голос (на улице). Берегитесь, конные скачут!

2-й голос. Спасайтесь!..

Крики удаляются. Стрельба слышна ближе.

Красногвардеец. Окружить!

Голоса:— Туши огонь! Воды сюда!

— Снегом, снегом!

Открываются ставни, в избе становится светло. Сандор и Володя годбегают к окнам. На улице шумит толпа. В избу врываются двое — красногвардеец и рабочий, — сталкиваются в дверях с Смолиным.

Красногвардеец. Живой! Андрей Иванович!
Смолин. Эх, братцы... (Обнимает товарищей.)

Анна подолом вытирает слезы, бежит на улицу, дети за ней.

Потушили огонь?

Рабочий. Потушили... Только солома успела заняться.

Смолин. Откуда же вы взялись, братишки вы мои? Как узнали?

Рабочий. Скажи спасибо здешнему председателю волисполкома. Узнал, что обоз разгромили, и ночью же прискакал к нам, а потом сюда привел. На пути хозяин этого дома с твоей запиской встретился. Вот и все.

Красногвардеец. Трех поймали. Куда их?

Смолин. Врагам революции — смерть!

Красногвардеец. Есть врагам революции смерть!
(Выходит.)

Смолин. А где председатель волисполкома?

Рабочий. Там. Порядок наводит.

Смолин. Позовите его ко мне.

Рабочий. Есть позвать!

Смолин. Постой... Разыщи еще хозяина этого дома и скажи, пусть домой идет.

Рабочий (направляется к выходу, в дверях сталкивается с Пинариным.) Вот и сам председатель.

Входит Пинарин. Рабочий уходит.

Смолин (подавая руку Пинарину). Спасибо за ручку. Смолин. Здравствуйте!

Пинарин. Пинарин. Здравствуйте! Но я должен внести существенную поправку, товарищ Смолин: благодарить надо не меня, а вашего гонца. Вся его лошадь в мыле!

Смолин. Я думал, что он выдал меня... А человек до пота старался! (Смеется.) Комбед в деревне есть?

Пинарин. Да.

Смолин. Позовите председателя, всех комбедовцев.

Пинарин (за дверь). Ребята! Пусть дядя Матвей, Митруха, тетя Степанида сейчас же придут сюда. Живо!

2. Энтип.

УРМЫСЬКИЙ БИБЛИОТЕКА
ИМЕНИ С. М. ГОРЬКОГО
КНИЖНО-АУДИОВИЗУАЛЬНЫЙ ЦЕНТР

Чувашская
Республика
БИБЛИОТЕКА
им. М. Горького

20650-100

С улицы доносится гул толпы. Рабочий вводит Энтипа. Он ни на кого не смотрит. За ним идут жена и дети, прижимаясь к нему.

Рабочий. Еле разыскал. В конюшне заперся вместе с лошастью. Не то его самого заперли?.. (Уходит.)

Смолин (Энтипу). Спасибо, друг...

Энтип молча плетется в чулан. За ним — дети. Анна затыкает разбитое окно тряпкой. Входят один за другим Матвей, Митруха, Степанида, Настюк.

Пинарин. Вот и наши комбедовцы, товарищ Смолин.

Смолин (устало прислонившись к оконному косяку). Питерские и московские рабочие пухнут с голоду. Кулачье хлеб в земле гноит, дерет с рабочего человека три шкуры за каждый фунт! Сволочи!..

Пинарин. Товарищ приехал из Питера. От самого Ленина. Надо помочь излишки хлеба выявить! Где председатель комбеда Петр Соколов?

Настюк. На войну ушел. Дети босые, голодные... А он ушел.

Пинарин. Заместителя тоже чего-то не вижу?

Степанида. Дурак он. Дурак и есть! Кто ему велел? Котомку за спину — и подался за Петром... Без всякой повестки.

Пинарин (Смолину). Оба ушли на фронт.

Смолин. Что ж, там они сейчас нужнее... А в комбед других изберете. Кого можно?

Пинарин. Матвей Ильич, может ты возьмешься?

Матвей. Нашли человека для власти! Не то что с деревней, с женой, можно сказать, еле-еле управляюсь...

Настюк. Не мели! Чем ты хуже моего Петра?

Матвей. Эх, бабы! Дали вам волю, теперь верхом на нас сядете. Ишь ты, тоже голос подает!

Смех.

Пинарин. Матвей Ильич, как станешь у власти, тебя уважать будут. (Усмехаясь.) Авось, и жена покорится... А сейчас не будем терять времени. Ленин хлеба для рабочих ждет.

Матвей. Ленин... Теперь, поди, и человека нет, который бы это имя не знал. Ленин!.. И что он за человек? Как мы же, аль двухглавый?!

Настюк. Скажешь тоже, баранья твоя голова! «Как мы...»

Матвей. Говорят, он объявил: кто не работает, то не ест. Вот верные слова!..

Степанида. Почему же тогда у тебя даже мыши с голоду передохли, а у других хлеба — завались?

Матвей. У кого излишки есть — всем известно. Начнем, к примеру, с того краю... У Сидора Хрыча хлеба не меньше трех амбаров. У Ахмаровой родни — и того больше! В прошлый четверг сам Ахмар, говорят, столько хлеба продал, что потом деньги на весах взвешивал! При всех хвалился!..

Настюк. А вчера он всю ночь хлеб возил к Архипу Волкову.

Степанида. У Ивана Чебыка тоже найдется лишку...

Матвей. Ну, коли до Чебыка добрались, — и Энтипа не обойдешь.

Энтип (*появляясь из чулана*). На мой хлеб заритесь? Все вам мало? Все давай! Белые чехи на Тюрлему напали — я три мешка отвез, ни слова не сказал. Чехов прогнали — опять давай?! (*Смолину*.) А вы мне что дадите? Срам, лошадь подковать нечем! Больше ни одного зерна не получите! Самому до весны не хватит.

Смолин (*Пинарину*). Энтип Алмазов, кажется, против?

Пинарин. Чехов прогнать помог, хватит с меня, говорит.

Смолин (*подходит к Энтипу. Сжимает свой мощный кулак*). Видите?

Энтип пятится.

— Страшно? Да, для врагов действительно страшно-вато, а для друзей... (*Беря Энтипа за руку*.) Понимаете, Алмазов, на руке пять пальцев... Если сжать их вот так, покрепче, то не так-то просто разжать! А поодиночке переломать пальцы — пустяк! Вот так надо сплотиться нам крестьянам и рабочим! Или растопчут нас, перебьют... Чехи — это еще не все! Из Сибири Колчак адмирал идет. Этот злодей пострашнее. (*Протягивает руку Энтипу*.)

Надеюсь, вы... (*Энтип отворачивается*.)

Пинарин. К Ахмару!

Все. С Ахмара и надо начинать!

Входит красногвардеец.

Смолин. У амбаров Ахмара, Сидора Хрыча и Архипа Волкова поставить часовых!

Красногвардеец. Есть поставить часовых у амбаров! (Уходит.)

Анна (Смолину). Прости нас, добрый человек... Дай бог тебе счастья.

Смолин (пожав руку Анне подходит к Энтипу). Вы поможете республике... Уверен.

Все уходят. Анна скрывается в чулане.

Энтип (стоит в раздумье). Колчак... Неужто и до моего двора дойдет?..

Анна (из чулана). Хлеб-то отдавать придется аль как? (Высовывается из чулана. Видя, что Энтип не отвечает, кричит в сердцах.) Иди, опять петуха лови! И так перед соседями ославился!..

Энтип. Тьфу, назола! Везде ей дело. Думать не дает. (Надевая шапку и затягиваясь потуже.) Пойду-ка на конюшню, посижу там. Спросят — скажи дома нет. (Уходит.)

Занавес.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Картина третья

Большой, с широким окном кабинет. В центре стол, накрытый кумачом, вокруг венские стулья.

Справа дверь в коридор, сбоку предупредительная надпись:

Не курить
сорить
плевать!

У левой стены висячий телефон, тут же аншлаг. «Зам. зав. оргинструкторским отделом облисполкома тов. ШАРАШКИН.»

Из коридора доносится шум. Отчетливо слышен

голос Энтипа: Товарищ начальник!.. С кем бы тут насчет подков поговорить?..

Распахивается дверь.

Шарашкин (входит. Во френче. Захлопнув дверь, стремительно направляется к столу и бросает шапку.) Безобразие! И дыхнуть не дают... (Закуривает папиросу, начинает крутить ручку телефона.) Центральная!.. Станция!.. Вымерли что ли?! Голодные, говорите? Не испечь ли вам калачей? Соедините меня с Татаркасинской волостью. Алло! Волисполком?.. Позовите к телефону Пинарина... Пи-на-ри-на! Председателя... Шарашкин говорит. Что? К нам выехал?..

Стук в дверь.

— Войдите.

Энтип (входит. На нем серый кафтан и войлочная шляпа. Кланяется.) Кхм-м...

Шарашкин. Что угодно, гражданин?

Энтип. Вот житье... Лошадь есть, а подков на всем свете не найти.

Шарашкин. Что?

Энтип. Подковы нужны, говорю, подковы. Теперича, как-никак, своя автономия и правительство свое. Пришел к вам, гражданин начальник, потолковать насчет подков... Весь город исходил — ни одной железки не нашел. Неужто, товарищ начальник, при Советской власти и подковы перестали делать?..

Шарашкин, рассеянно поглядывая по сторонам, барабанит пальцами по столу.

— Эх-ка, куда же это я попал?.. Ага, видать, о подковах-то он не слышал... Не растолковать ли ему?.. (Кладет шляпу на пол, садится и, положив ногу на ногу, тычет пальцем в подошву лаптя.) Вот так, значит, товарищ начальник, чтобы лошадка не свернула себе шею в гололедицу, нужно ей железки острые прибить к копытам. Подковать, понимаешь? Подковы нужны, значит...

Шарашкин (вскакивает). Ты что?! Тут люди ломают голову, как революцию спасти, а ты — со своими подковами да копытами!? Нашел тоже проблему! Обыватель! Откуда ты?

Энтип (попятился). Из Медведевки, гражданин начальник.

Шарашкин. «Из Медведевки...» Сразу видно — из берлоги! Фамилия!

Энтип. Алмазов.

Шарашкин. Имя?

Энтип. Энтип...

Шарашкин (выделяя слог ТИП). «Эн-тип...» Что еще у тебя ко мне? Какие еще вопросы?

Энтип (постепенно приходя в себя). Вопросы-то? Вопросов много, товарищ начальник... (Берет шляпу в руки.) Дозволь, я уж сидя... Так-то оно так, а вот в закромах ни зерна, последний мешок на мельницу отправил, сеять нечем.

Шарашкин (барабанит пальцами по столу). Так... так...

Энтип. Вот так... Жили, жили да жилы порвали. Ежели и дальше так пойдет — ноги протянем.

Шарашкин. Так... так...

Энтип. Раньше все на войну сваливали. Теперь и войны нет, а все давай, давай!.. Ты, начальник, на большом месте сидишь, — должно знаешь, когда кончится эта самая разверстка?

Шарашкин *(вскакивает.)* Ты что, контра? Саботажник? Советская власть от голода задыхается, а ты ради своего живота против продрозверстки идешь?! Саботажничать мы тебе не позволим, гражданин Алмазов! Слушай, я тебе говорю именем революции: по возвращении домой отвезешь свой хлеб в Совет.

Голос *(из-за дверей)*: Товарищ Шарашкин, Вас председатель просит.

Шарашкин. Смотри, я шутить не люблю, будешь отвечать перед ревтрибуналом! И всем скажи! *(Берет со стола папку и уходит.)*

Энтип *(крестится)*. Упаси боже! *(С опаской выглянув в дверь, быстро выходит.)*

Некоторое время сцена пуста. Входит Ахмар. Сразу его не узнать: он в дырявой шубе, в лаптях, на голове потертая шапка из телячьей кожи.

Ахмар. Вот те на?! Сказывали здесь... а тут никого...

Шарашкин *(возвращается)*. Ты что, в трибунал захотел?

Ахмар. Эко, и поговорить не успели — трибуналом грозит... Не ожидал, Василий Иванович!

Шарашкин. Это еще что за бродяга? Кто ты?

Ахмар. Начальником заделались — и своих перестали узнавать?

Шарашкин. Что вам угодно, гражданин?

Ахмар. Не узнаете? Вспомните-ка, кто в Казани Вас первым выдвинул в учредилровку от чувашского общества?

Шарашкин. Тс-с-с!

Ахмар *(расходившись)*. Кто первый голосовал за Василия Ивановича да целый воз пшеничной муки вам привез?

Шарашкин *(с предостерегающим жестом)*. Тише, Ахмар! Раскричался, трже мне герой...

Ахмар. То-то!

Шарашкин. Ох, ошупали же тебя, Ахмар, и не узнать! *(Смеется.)* Садись, садись.

Ахмар. Шкуру только содрать осталось.

Шарашкин. Как мокрая курица...

Ахмар. В Медведевке не только мокрой курицей будешь!

Шарашкин. Так, значит?.. *(Берет в рот папиросу, достает из кармана коробку спичек.)* А знаешь: Москва-то

от копеечной свечки сгорела... (Ловко зажигает, любитесь язычком пламени.)

А х м а р. Красного петуха?!

Ш а р а ш к и н (зло усмехаясь). Поджигать дома не надо ума. (Плюнув сквозь зубы.) И только! Нынче, брат, людские сердца умеючи надо зажигать. Понятно? Закуривай...

Оба закуривают.

— Вот только что из вашей Медведевки Энтип Алмазов с пустой сумкой притащился: «Жилы, говорит, вытянули, осталось только ноги протянуть»... (Пальцем ткнув себя в грудь.) Сразу видно, тут у него без огня горит. Последний мешок отдавать будет — не так запоеет.

А х м а р. Его нескоро расшевелишь.

Ш а р а ш к и н. Надо расшевелить! Вон в Акулеве сегодня ночью... (Проводит пальцем по горлу.) И в нашем Карачкине готовятся. Может, с ночевкой к Чишке Кулобаеву съездишь?

А х м а р. Как прикажете.

Ш а р а ш к и н. Не мешкайте, весна на носу... Чем гуще в поле, тем нам труднее будет, понял?

Телефонный звонок.

(Берет трубку.) Алло... Минутку... Нет, нет, не отходите... (Прикрыв ладонью трубку.) Пинарин!

А х м а р. Пинарин? Тогда мне... (Собирается уходить.)

Ш а р а ш к и н. Через двор... (Подавая руку.) К Кулобаеву Чишке в воскресенье поедешь. В Карачкине вам придется с Пинариным встретиться: сегодня состоялось решение о слиянии двух ваших волостей, председателем волисполкома оставлен он же. Я сделаю так, чтобы в базарный день Пинарин непременно в Карачкине был. (Прищурив глаза.) Надеюсь, окажете ему достойнейшую встречу!

А х м а р. Встретим как положено... (Уходит.)

Ш а р а ш к и н (в трубку). Прошу!

Спустя некоторое время входит П и н а р и н. Он в той же солдатской одежде. Ш а р а ш к и н встречает его с наигранным радушием.

— Поздравляю, Никита Петрович, поздравляю! Как говорится, большому кораблю — большое и плавание. Командовать в масштабе двух волостей — это, брат, не шутка! В Карачкине еще не успели побыть?

Пинарин. Нет еще.

Шарашкин. Непременно загляните туда. И лучше всего в базарный день. Там сплошная анархия.. Безобразие!

Пинарин. Да, порядок нам надо навести повсюду. Я к вам по важному...

Шарашкин. Слушаю.

Пинарин. Говорят, из Москвы поступили хорошие вести?

Шарашкин. О чем, собственно, вы говорите?

Пинарин. Владимир Ильич дал указание заменить продразверстку налогом. Верно это?

Шарашкин. Говорят, в Москве кур доят...

Пинарин. Это — бабушкина сказка. (*Вынув из кармана письмо.*) Вот, почитайте, что пишет из Петрограда Смолин. Неделю назад он у Ленина был.

Шарашкин (*возвращает не прочитав*). Ты полагаешь, председатель волисполкома должен верить всякой бумажке?

Пинарин. А я верю! Потому что дальше так продолжаться не может. Продразверстке должен быть конец! Должен!

Шарашкин. «Продразверстке — конец», и пусть голод душит пролетариат, так что ли?

Пинарин. Вы из меня врага революции не делайте, Василий Иванович. Я сам пролетарий, и ради интересов пролетариата готов хоть на смерть.

Шарашкин. Почему же в таком случае ты у себя в волости самочинно запретил сбор хлеба?

Пинарин. В амбарах ветер гуляет.

Шарашкин. Надо подворно вымести подчистую.

Пинарин. А весной лебеду будем сеять?

Шарашкин. Лето само прокормит людей. Надо думать больше о сегодняшнем дне, товарищ Пинарин. Разве не видите, в городе вон люди с ног валяются?

Пинарин. Знаю. Но если мы хотим прочно встать на ноги, надо думать и о завтрашнем дне.

Шарашкин. Что вы предлагаете?

Пинарин (*развернув письмо Смолина*). То, что предлагает Ленин: заменить разверстку налогом, ввести свободную продажу хлеба.

Шарашкин. Возрождение капитализма?!

Пинарин. Нет, напротив, мы набираем силы для решительного наступления...

Шарашкин. Брось ты, Пинарин, либеральничать! Это у тебя явно мелко-буржуазная и сугубо опасная для дела революции тенденция! Оказывается, ты с этим Энтипом Алмазовым из Медведевки на одной тележке едете... Да, да! Он тоже ради своего желудка хотел бы продразверстку упразднить.

Пинарин (*глядя в упор на Шарашкина*). Простите, Василий Иванович, вы когда-нибудь в своей жизни крестьянствовали?

Шарашкин. Уж не хочешь ли послать меня на пахоту в Медведевку?

Пинарин. Жаль. А то бы вы поняли. Крестьянину, быть может, и чайку с сахарком попить хочется, и рубахи ситцевые детям справить... А вы: «До последнего зернышка!» Чего доброго, так он и на другую сторону перемахнет.

Шарашкин (*хохочет*). Перемахнет, значит? И, боясь этого, мы должны отступить от генеральной линии, да? Это же явная контрреволюция! Предательство!

Пинарин. Нет, Шарашкин! Это вы предаете дело партии. Скажите, сколько дней Вы держите под сукном директиву Ленина? Вот где она, контрреволюция! (*Быстро уходит.*)

Шарашкин. Пинарин! Пойдите же... Фу! Черт бы его побрал!

Занавес.

Картина четвертая

Декорация первой картины. Насвистывая мелодию марша «Конная Буденного», Володя наклеивает на стену картинки.

Антоша (*показываясь в окне*). Эй!..

Володя. Чего тебе, Антошка-картошка?

Антоша. Сандор дома?

Володя. Сейчас придет. Иди к нам, мы одни.

Антоша (*входит, весь оборванный. Протягивает Володе что-то завернутое в тряпку*). На вот... Бери, дурак, хлеб это!

Володя. Где взял?

Антоша. Учитель дал, Георгий Михайлович. Вот такой ломоть!

Володя (*неуверенно берет*). Сам-то что будешь есть?

Антоша. Я уж наелся. (*Глядя на рисунки.*) А это что?

Володя. Картинки. Про красную гвардию... Сандору учитель дал...

Входит Сандор с ведром воды.

— Сандор! Антошка нам хлеба принес, во!

Сандор. Дели на троих.

Володя. На троих? А отцу?

Сандор. Он себе из города привезет.

Володя. А маме?

Сандор. С мельницы придет — лепешек испечет.

Володя. Из чего?

Сандор (*наивно*). Из муки, конечно.

Володя молча и сосредоточенно делит хлеб. Два куса кладет в стол, два отдает ребятам, последний берет себе. Антоша свою долю кладет на стол, с улыбкой смотрит, как братья уписывают его угощение.

Антоша (*спохватившись*). Ой, погодите, погодите!

Сандор. Чего ты?

Антоша (*подскакивает к Сандору, пытается затянуть ему потуже пояс*). Надо затянуть... Потуже...

Сандор. Ты, что, очумел? Пусты, а то вот как дам!

Антоша. Чего ты? Тебе же лучше! Скорее сыт будешь. Ахмаров Колька говорит: «У кого жрать нечего — пусть брюхо потуже затянет...»

Сандор (*сам затягивает свой пояс*). Я тоже слышал про это...

Антоша. Вот так. А теперь давай Володьке.

Володя (*расстроено*). А у меня пояса нет, у меня штаны на пуговице.

Сандор. Тащи полотенце.

Володя бежит в чулан, приносит полотенце. Сандор и Антоша обматывают ему живот полотенцем, пытаются затянуть.

Володя. Я лучше лягу... (*Ложится на пол.*)

Ребята стараются, спорят. Володя только тихонько кряхтит, когда ему надавливают коленкой живот.

Анна (*входит с пустым мешком*). Что вы делаете! Ах, разбойники! (*Подбегает к ребятам.*) Одолели два дылды

одного маленького. (*Развязывает Володю.*) Не стыдно Сандор?

Сандор. Мы ничего, мы так...

Антоша. Это чтобы он ел поменьше...

Анна. Отец не заходил?

Сандор и Володя (*вместе*). Он приехал?!

Анна. Митруха видал его за околицей. Принесите-ка хворосту: хоть кисель сварим, голодный, наверно. (*Бросает мешок под лавку.*)

Сандор. Вот и папа!

Входит Энтип. Он изрядно устал. За спиной болтается пустая котомка. Недоволен. Молчит.

Володя с Сандором радостно возятся около отца, ощупывают котомку.

Володя. Что купил, папа?

Сандор. Э-э, ничего не привез... Пусто!

Энтип молча снимает котомку и бросает ее под нары.

Анна (*ребятам*). Кому велела принести хворосту!

Сандор, Володя и Антоша выбегают. Энтип, раздевшись, опускается на стул, закуривает.

Анна. Пешком?

Энтип молчит.

Закусил бы с дороги.

Энтип. Брюхо-то чай, никуда не убежит...

Анна. Может, отдохнешь?

Энтип. Не приставай, без тебя тошно. (*Сердито постучав трубкой, снова набивает ее.*)

Анна. Ну как, добился толку?

Энтип (*машет рукой*). Какое там!.. Чуть в тюрьму не засадили... «Контра!..» «Саботажник!..» Ну, думаю, пропал, — тюрьмы не миновать... Хорошо еще кто-то этого Шараськина в другую комнату позвал, а я давай бог ноги. Тыфу! Спеси в нем — будто у кулика на болоте...

Анна. Ходишь зря! Твое ли тут дело? Срамишься.

Энтип (*вскакивает*). Как это не мое? Сколько хлеба я им сдал? А они мне — что? (*Трясет пустой котомкой, вывертывая ее наизнанку.*) Видишь, сколько товару тебе принес! Мыло... Спички... Соль... Гвозди... Подковы... Колесная мазь!..

Анна. Что же теперь, живым что ль в землю зарываться? Придет время,—может, и будет.

Энтип. «Будет!..» Жди!

Сандор, Володя и Антоша приносят хворост.

Анна. Успокоился бы, Энтип. Может, перекусишь?

Энтип. Мешок-то, чай, до сих пор не смололи?

Анна (в замешательстве). Потом, Энтип, потом...
Пойду кисель сварю.

Энтип. Как это «потом»?! Ты мне толком отвечай!

Сандор (почуввав недоброе, вынимает из стола два куска хлеба). Это тебе гостинец, папа. Это — маме...

Энтип молча обнимает старшего сына. Молчит в раздумье.

Сандор, Володя и Антоша выбегают на улицу.

Ахмар (входит). А-а, вернулся, Энтип! Ну, Анна, как, рассказала ему, что коммунисты вытворяют?

Анна (с тревогой). Не расстраивай его ради бога. Без тебя убивается... (Берет хворост, заходит в чулан.)

Ахмар. Раз-вер-стка! Знаешь, для чего они наш хлеб собирают!.. За границу отправляют. Хватит!.. Надо весь хлеб в землю зарыть.

Энтип. У меня зарывать нечего.

Ахмар. А ты не слушай разных Пинариных да Соколовых. Они вот тебя не жалеют...

Анна (перебивая, громко). Ах, Ахмар!.. Просила же...

Ахмар. Скоро они всех нас в могилу вгонят.

Энтип. Не знаю... И власть-то вроде своя...

Ахмар. Фу, ты! Разве я хаю власть! Хочешь знать, так советская власть могла бы во сто раз лучше быть... И разверстки давно бы не было...

Энтип (заинтересовавшись). Это как же?

Ахмар. А без коммунистов...

Энтип. Постой, Ахмар, я чего-то не понял...

Ахмар. А чего тут понимать! Будь советская власть без коммунистов — и жизнь была бы совсем другая... Вот и все!

Энтип (про себя). «Советская власть — без коммунистов...» Али куда уходить собираются коммунисты-то?

Ахмар. Вот и беда, что не собираются. Прогнать их всех надо! К чертовой матери!

Энтип (про себя). «Советская власть без коммунистов»... Без каких это коммунистов?

А х м а р. Э-к-кий ведь! Будто не понимаешь! Коммунисты — это большевики, ну, вроде Микитки Пинарина, Смолина, Соколова...

Э н т и п (*рассуждая*). Большевики — коммунисты. Коммунисты — большевики... И Ленин, говорят, коммунист. Он же, будто, и большевик... Постой, как же это выходит, — советская власть без Ленина? Что-то не так...

А х м а р (*зло*). Я же сказал тебе — без коммунистов! Без коммунистов и большевиков!

Э н т и п (*подумав*). Что-то не клеится, Ахмар: Ленин нам и землю роздал, и от Колчака спас... А послушаешь тебя, — выходит, он вовсе негодный для нас человек...

А х м а р. Может, и ты в коммунисты записался? Пока по городу шлёндал... А?

Э н т и п. «Записался»... Вот попадешь к такому, как Шараськин — станешь коммунистом!..

А х м а р. Не Шараськин он, а Шарашкин Василий Иванович! Таких башковитых поискать надо.

Э н т и п. Башковитый, говоришь? Я что-то не приметил.

А х м а р. Звезды тоже днем не светятся... А посмотри ночью, — сверкают! Наш он человек, Шарашкин-то.

Э н т и п. Наш, говоришь?

А х м а р. Он хочет нам помочь, крестьянам.

Э н т и п. Каким это манером?

А х м а р. Да коммунистов из советов прогнать!

Э н т и п (*с досадой*). Пусть его, шарлатана такого, самого прогонят! А Ленина ты не трожь!

А х м а р. Тьфу! Болван и есть! (*Идет к выходу, но тут же возвращается*.) Смотри, с голоду не подохни со своими коммунистами! Сегодня вон Пинарины последний мешок у тебя забрали, прямо с мельницы. Жена сказать боится.

Э н т и п (*со стоном падает на лавку*). Ы-ы-х!

А н н а. Эх, Ахмар!.. Злой ты человек! Зачем сказал, просила ведь...

А х м а р. Пока самого не зарыли в яму, подумай, с кем тебе лучше идти. (*Остановившись в дверях*.) Подумай до вечера, время еще есть... (*Уходит*.)

А н н а (*вслед Ахмару, озлобляясь*). Не рой чужому яму, сам в нее попадешь.

Э н т и п. Погоди-ка, Анна... Ахмар! Постой...

А н н а (*с тревогой*). Зачем он тебе, Энтип? Пусть себе идет.

Энтип. Почему ты сразу не сказала?!

Анна. Эх, Энтип, сама вся изболелась. Не хотела тебя тревожить. (*Достает из-за пазухи.*) Вот, деньги оставили...

Энтип. На черта они мне, эти размалеванные бумажки!.. (*Швыряет на пол.*)

Анна. Успокойся, Энтип... Может...

Энтип. Отстань!

Анна. Куда ты? Посиди малость, поразмысли...

Энтип. Уйди!.. И ты... (*С силой отстраняет жену, уходит.*)

Анна падает на пол, беззвучно плачет.

Занавес.

Картина пятая

Старый, сложенный из крупных бревен дом Павла Кулобаева в Карачкине. Два окна. Огромная икона в углу, горит лампада. Слева входная дверь. Справа дверь в чулан.

Ульяна (*вытаскивает из подполья тяжелый мешок*). Куда теперь? Яма в сарае до краев заполнена.

Кулобаев (*выходит из чулана, в белом кафтане*). Сколько еще осталось?

Ульяна. Отсюда — последний, а на чердаке, наверно, еще мешков тридцать будет.

Кулобаев. Запихай!

Ульяна. Не лезет.

Кулобаев. Ссыпь! Закончишь таскать — можешь на улах* идти. Только смотри, светать начнет — лошадей напоить не забудь. Слышишь? (*Уходит.*)

Ульяна (*устало опускается на мешок и долго сидит в раздумье*). Матушка! Родненькая ты моя!.. Ужели на всю жизнь оставила меня в этой тяжелой доле?.. Ахмар... Думала, злее его и на свете-то нет... Сбежала от проклятого... А этот хуже пса цепного... Эх, Микита, Микита!.. Один ты был моей утехой... Один на свете... (*Всплакнула*). Где ты? Жив ли? Или и ты позабыл свою несчастную Ульку?

Кулобаев (*входит*). Чего медлишь! Темно уж — таскай скорее. Да смотри, следов не оставляй: прикрой

* Улах — чув. посиделки.

хорошенько соломой... Иди, иди! (Захватив два больших
ямка, уходит.)

Ульяна (глядя в окно). Что это он? На улицу вы-
шел — зятя встретил... Еще кто-то подошел... Чего они за-
думали? Жену из дому выпроводил, меня на улах гонит.
Раньше со двора не выпускал... Непроста... (Сталкивает
мешок обратно в подполье и снова подбегает к окну.) Сюда
идут! (Прыгает в подполье и захлопывает люк.)

Входят Кулобаев, Лариван, Петток.

Лариван. Никого?

Кулобаев. Всех выпроводил.

Петток. Работница где?

Кулобаев. На улах прогнал.

Петток. А не прискочит?

Кулобаев. Нет, нет, на всю ночь велено убраться.

Петток. Тесть, закрыл бы дверь на крюк.

Кулобаев (запирая дверь). Может, лампу зажечь?

Лариван. Давай, а то как бы Ахмар обратно не
повернул.

Петток. Язык же у тебя! Сказано ведь: имен не на-
зывать!

Лариван. Запомятовал.

Резкий скрип полозьев у окна. Стук в окно.

Кулобаев (не своим голосом). Кто там?

Ахмар. На ночлег не пустите?

Кулобаев. Чьи будете?

Ахмар. Вирьяльские.

Лариван. Он! Иди, открывай.

Кулобаев, надев шубу, выходит.

Петток. Смотри, не заметили бы.

Лариван. Волков бояться — в лес не ходить!

Входит Ахмар в черном тулупе, больших валенках. За ним —
Энтип в старом чапане. Последним входит хозяин.

Ахмар (осматриваясь). А мы думали тут свободно...

Кулобаев. Проходите вперед, проходите. Тут все
свои! Это — Лариван Лариваныч, а это — мой зятек, Пет-
ток. И ты, вижу, не один.

Ахмар. Энтип Алмазов это. И его общипали дочиста,
как гуся под рождество!

Кулобаев (помогает Ахмару снимать тулуп). А-а! Энтип! Слышал, слышал! Это тебя что ли питерский антихрист чуть не пристрелил? Вот будем так, сообща, мы им ещё покажем! Раздевайся, будь как дома.

Энтип. Малость погреюсь-ка. (Присаживается в углу.)

Петток. На след не напали?

Ахмар. Э-э, им теперь не до слезки! Сами хоронятся: в Акулеве десятерых — жжик!.. (Проводит пальцем по горлу.)

Лариван. А хлеб?

Ахмар. Кое-где обозы захватили, а хлеб обратно прятали.

Кулобаев. Что Василий Иванович передал?

Ахмар. Разгромить семенные склады и раздать хлеб голодающим. В первую очередь — таким пострадавшим, как Энтип. Вот его наказ! Ну, а у вас тут как?

Лариван. Доселе супротивлялись. А вот ноне и у нас, в Карачкине, комунщики семена засыпать начали. Весь день по дворам рыскали.

Ахмар. Слышишь, Энтип?

Кулобаев. Напролом идут, дьяволы!

Ахмар. Огнем их надо, огнем!

Лариван (ударив кулаком по столу). Для начала спалить бы волостное правление — и конец!

Энтип вздрогнул.

Ахмар. Ты что там, Энтип, как заяц, подпрыгиваешь, а?

Энтип (плюет на шаровары, вытирает полкой чапана). Тьфу, тьфу, паршивая трубка! Чуть штаны не спалил...

Ахмар. Сперва надо семенные склады захватить...

Лариван. Что ж, с них и начнем! Пока там и охраны выставить не успели.

Кулобаев. Вот тебе и поручим это дело.

Лариван. Хоть сейчас!

Петток. Тише, ради бога... Комунщики услышат.

Ахмар. Что они тебе мерещатся? В Сибири, Тамбове, на Украине покончили с этими антихристами, снова там законная власть!.. Надо народу об этом растолковать.

Кулобаев. Дай-то бог!

Ахмар. Бог тут не поможет, ежели сам в руки ружье не возьмешь.

Лариван. Ружья-то у нас есть, а вот с патронами плохо.

Ахмар (язвительно). А ты попроси в волостной конторе, может, дадут там тебе и ружье, и патроны... (В сторону Энтипа.) А вот кто в стороне хочет остаться... Помните, чем проворнее будем сами, тем скорее и подмога придет.

Кулобаев. Дай бог! Только вот народ-то у нас больно коммунистов слушаться стал. Иные даже церковь почитать перестали.

Ахмар. По дворам надо ходить!

Лариван. Да, и с этими... середнячками... Говорят всяко, а сами ни с места.

Ахмар. Бреешь! Видишь вон, в какую даль Энтип со мной отправился! Думаешь, спроста?

Энтип (хмуро). Разорили, последний мешок с мельницы забрали, остался с одной лебедой.

Кулобаев. Ай-ай, что вытворяют бандиты, а!

Ахмар (похлопывая Энтипа по плечу). Завтра у церкви он народу об этом расскажет, а мы сообща поможем ему отнятый хлеб вернуть.

Кулобаев. Вот, вот, сообща и надо ударить!

Ахмар. У вас все наготове?

Лариван. Стоит только в набат забить!

Ахмар. У кого нет ружей — пусть берут топоры и вилы. Утром сюда сам волостной голова прибудет.

Лариван. Ого!

Ахмар (со злобой). Хлебом да солью его встретим!..

Кулобаев. Голодающих созовем. Голодная собака злее кусает.

Ульяна осторожно приподнимает люк подпола и тут же закрывает.

Петток. Стойте, шум какой-то...

Лариван. Вот те на!

Энтип. Виноват!.. (Зажимая живот.) Это у меня... что-то забурлило... Лебеда, будь она неладна, все кишки перевернула. Далече тут у вас?

Ахмар. Потерпел бы малость...

Энтип (корчится). Мочи нет.

Петток. Ну, пусть сходит. А то чего доброго... (Смеется.)

Ахмар. Иди уж.

Кулобаев. Как выйдешь, прямо за углом. Смотри, дверь закрой.

Энтип, держась за живот, выбегает.

Ахмар. Слушайте, что нужно делать: как только он вымолвит слово,—ты, Лариван, пали из ружья по церкви. А ты, Петток, кричи: «Караул! Антихристы стреляют! Ружьями хотят народ заставить замолчать!..» И тут все как по маслу пойдет.

Кулобаев. Дай бог! С умом задумано.

Ахмар (самодовольно). С людьми надо уметь. Что же Энтип-то? (Кулобаеву). Глянь-ка поди, Павел.

Кулобаев выходит.

Кулобаев (вбегает). Сгинул, шайтан!

Ахмар. Как?!

Все всполошились.

Лариван (схватив за грудь Ахмара). Ты что, свинью нам решил подложить?! Предателя привел?

Ахмар (отстранив Ларивана). Языком болтай, а рукам воли не давай! Энтип не продаст. А отыскать его надо! Павел! Ты вокруг своего двора погляди. (Ларивану и Петтоку.) А вы бегом к церкви. Я ему на большаке ловушку устрою. Болван!

Неожиданно входит Энтип. На миг все застыли от удивления.

Энтип. Ад крошечный! Словно небо с землей столкнулись...

Ахмар (облегченно). Говорил же я вам — Энтип без хлеба домой не станет вертаться. (Ткнув пальцем в лоб Ларивану.) Орать горазд, а тут нема! (Хохочет.)

С улицы доносится звон бубенцов.

— Пожалуй, расходиться пора...

Петток. Да, да, береженого и бог бережет. Пошли, Лариван.

Лариван. Сигнала ждать будем.

Кулобаев. Быть начеку!

Лариван и Петток уходят.

— (Ахмару.) Может, у меня же переночуешь? (Вытаскивая из стола пару лепешек.) И угощать-то нечем!

Ахмар. Ничего, мы с Энтипом у церковного старосты переночуем — так будет лучше. (Похлопав Кулобаева по

плечу.) Ну-с, Кулобаев, с завтрашнего дня, думаю, сам пачнешь волостью править?

Кулобаев. Коли божья воля — я завсегда готов?

Энтип. Постой, Ахмар... Правда, завтра мне мой хлеб вернут?

Ахмар. Своя рука — владыка. Пошли!

Уходят. Кулобаев выходит провожать.

Ульяна (выходит из подполья). Вон они что задумали!.. (Выбегает в сени.)

Вскоре возвращается Кулобаев. В сенях слышатся шаги.

Кулобаев (прислушиваясь). Постой, кто это?! (Заметив приоткрытый люк подпола, крестится.) Боже упаси!.. Улька, это ты там? (Ответа нет.) Нет вроде...

Стук в дверь.

— Кто?

Петток. Это я...

Кулобаев (открывая дверь). Что?

Петток. Лариван удумал сейчас же поджечь волостную контору.

Кулобаев. Ах, бешеный, загубит все дело! Скажи: без сигнала не смей!

Петток. Ладно, передам.

Кулобаев. Обожди-ка. (Озирается по сторонам.)

Петток. Случилось что?

Кулобаев. Вхожу в избу, смотрю — половица приоткрыта...

Петток. Ну-у? Не работница-ли?

Кулобаев. Просто диво! (Приоткрыв люк.) Где же она?

Петток. Долго ли выскочить.

Кулобаев (заглядывая в подпол). Тэ-тэ-тэ... Кажись, мешок? Зажги-ка фонарь!

Петток (зажигает фонарь, опускает его в подполье). Мешок, мешок!

Кулобаев. Ах, подлая! Я же ей велел в яму ссыпать! Видать, она тут сидела.

Петток. Не донесла ли, стерва?

Кулобаев. Иди, встань в сенях. Надо убрать ее до рассвета — иначе гибель.

Петток. Ларивана не позвать?
Кулобаев. Зови!

Петток выбегает. Кулобаев закрывает дверь на крючок и опускается перед иконами на колени; одной рукой крестится, другой из-под стола достает ружье.
Стук в дверь.

— Кто там?

Голос Ульяны. Ульяна!

Кулобаев (*прячет ружье за сундук и открывает дверь*). Закрой на крючок.

Ульяна делает вид, что не слышит, и проходит вперед.

— Дверь, говорю на крючок!

Ульяна (*раздеваясь*). Кого боитесь?

Кулобаев (*сам запирает дверь*). Сделала, что велено?

Ульяна. Все сделала...

Кулобаев. Спать ложись!

Ульяна. Посижу малость, рано еще.

Кулобаев (*испытующе глядит на Ульяну*). Что это у тебя сегодня глаза больно блудливые? (*Берет ружье.*) Сказывай, где была? В контору бегала? Доносить на меня бегала?

Ульяна (*после паузы*). Стреляй! Я тебя не боюсь.

Кулобаев. Последний раз спрашиваю: донесла?

Стук в дверь.

— Кто там?

Голос. Откройте!

Кулобаев (*направив ружье на Ульяну*). Чужих ночью не пускаю.

Голос. Открывай!..

Ульяна. Сгинь, поганая душа! (*С силой опрокидывает на Кулобаева стол, бежит к двери.*)

Кулобаев (*вскакивает и преграждает ей дорогу*). А-а, ограбить меня задумали! Караул! Грабят!..

Ульяна. От грабителя слышу. (*Ударом ноги в живот отбрасывает Кулобаева и, выхватив ружье, открывает дверь.*)

Чекист (*вбегает, целясь из нагана*). Руки вверх! Ну!

Кулобаев. Караул! Убивают!

Чекист. Не шуметь. Следовать за мной! (*Ульяне.*)

Вы тут не задерживайтесь, ступайте в контору... Дверь на замок!

Взяв ружье, чекист выводит Кулобаева. В сенях что-то громыкает. Раздается стон. Ульяна кидается к двери, но кто-то не пускает снаружи.

Кулобаев (*из сеней*). По голове! По голове его, гада!

Голос Ларивана. Вот тебе, антихрист! На, получай!..

Слышны тупые удары.

Ульяна. Ах! (*Быстро скрывается в чулане.*)

Оттуда раздается звон разбитого стекла. В избу вбегают Кулобаев и Петток. У первого в руке ружье.

Кулобаев. А-а-а, теперь-то уж не вырвешься!

Петток. Где она? Где?

Кулобаев. Никуда ей не уйти, попалась сука!

Петток (*в чулане*). Эх, в окно убежала!..

Кулобаев. Догони! Догони быстрее! Как вора пригвоздим! Бей в набат!

Петток выбегает.

Лариван (*входит с топором. Дышит тяжело*). Куда его?

Кулобаев. Тащи в погреб.

Свет гаснет. Набатный звон.

Голос Петтока. Эй, люди! Чишку Кулобаева ограбили! Вон вор — держите!

На проспектиуме, перед занавесом.

Ульяна (*бежит в полутьме*). Человека убили!

Петток (*выбегает вдогонку, в руке узел*). Эй, сюда, сюда идите! Воровку поймали. (*Швыряет ей под ноги узел.*)

Ульяна падает.

Лариван (*выбегает навстречу*). А-а-а, попалась, воровка!.. Сюда, сюда идите!

Подбегают люди.

— Вот кто Чишку Кулобаева ограбил!

Ульяна. Не воровка я, человека убили!

Лариван. Ишь ты, стерва! (*Показывая на узелок*).

А это что?

Петток. Вот змею пригтели. Бейте ее!

Архип (*появляется из толпы*). Эге! Вон ты где, оказывается, скрываешься! Это наша медведевская беглянка, у нас она тоже воровством промышляла. Ведите ее по улицам, пусть все знают, кто она такая.

Голос (*из толпы*). Камнем ее, камнем!

Озверевшая толпа уводит Ульяну.

Пинарин (*подбегает*). Стойте! Что вы там делаете? Кого это вы?

Лариван. А-а! Вот и сам волостной — тоже грабить приехал!

Петток. Зерно на семена собрали, а теперь за границу отправляете!

Пинарин. Кто это вам наврал?

Лариван. Заткни глотку. Хлеба нашего захотел.. Мы тебя накормим... (*Исчезает*.)

Голос. С самого утра по амбарам рыщет. Ы-ых, проклятый!

Пинарин. Врешь, гадина!

Кулобаев (*выскакивает вперед*). Посмотрим, кто врет. Кто у Энтипа Алмазова из Медведевки последний мешок забрал? Кто, я тебя спрашиваю?

Пинарин. Вранье.

Голос. Где этот Энтип? Пусть сам расскажет. Где он?

Ахмар (*вводит Энтипа*). Вот он, Энтип! Пусть он сам все расскажет.

Голоса: Говори, Энтип!

Энтип молчит.

Кулобаев. Запугали они его, вот и молчит.

Пинарин. Говори, Энтип.

Энтип (*запинаясь*). Ну, забрали...

Ахмар. Слышите? А теперь он приехал грабить ваше Карачкино.

Пинарин. Не слушайте его, мироеда!.. Врет он.

В отдалении раздается выстрел.

Петток. А-а-а! Антихристы, по церкви стреляют.
Ружьями хотят народ запугать! Бей его, шарлатана!
Лариван (*прибегает.*) Хватай!

Люди бросаются на Пинарина.

Кулобаев. Тащите в караулку! Судить будем.
Голос. В колодезь его, антихриста!
Другой. Попался, злодей!

Толпа с шумом уводит Пинарина влево. Поднимается занавес.
В глубине сцены постепенно освещается низкое, придавленное к земле
помещение караулки. Разбитое окно крест-накрест заколочено доска-
ми. В щелях гуляет ветер. К полуразрушенной печке веревками при-
кручена Ульяна. Одежда ее порвана, лицо в ссадинах и синяках,
на шее бирка: «Воровка я.»

За сценой шум приближающейся толпы. Щелкает замок, открывается
дверь и в караулку вталкивают Пинарина со связанными руками,
тот падает на пол, теряет сознание.

Голоса:— К амбарам!

— Выходи к амбарам!

— Хлеб — по домам...

— Хлеб раздают, бабы!

Ульяна. П-и-ить...

Пинарин. Кто тут?

Ульяна. Пить...

Пинарин. Кто ты?

Ульяна. Жарко мне... Пить...

Пинарин. Нет, нет... Быть того не может!

Ульяна. Ой!..

Пинарин. Ульяна?! Улька! Ты? (*Пытается встать,
падает.*)

Ульяна. Микита...

Ульяна. Мужчина плачет... Холодно мне...

Пинарин. Сколько лет! И как встретились.. За что
они тебя? Люди.. Люди!

Ульяна. Не зови людей... Холодно.

Пинарин, напрягая все силы, подползает к Ульяне.

Рядом ты... Дай, в глаза погляжу... Жарко...

Пинарин. Улька!

Ульяна. Горим, Микита! Проклятый Чиска, я не
боюсь тебя!.. Жжет... Ах, как жжет!.. Микита, я падаю,
падаю...

Пинарин. Ульяна! Улька! Слышишь ты меня?
(Пытается развязать веревку, но тщетно.)

Ульяна. Не бейте, я не воровка... Убили человека...

Пинарин. Ульяна! Очнись, очнись...

Слышны шаги. В караулку входят Ахмар и Лариван
с топором.

Лариван. Ха-ха-ха! Ну как, советская власть! Молись богу перед смертью...

Ахмар (отстраняя Ларивана.) Успеешь... Сначала мы их поженим... Вот и невеста рядышком, заждалась, бедная! (Потирая руки.) Давненько я мечтал побывать на вашей свадьбе!

Пинарин. Опоздали, Ахмар: придется вам погулять на собственных похоронах, недолго ждать осталось.

Лариван. Ишь ты, шутишь еще!

Пинарин. Гад ползучий! (Плюет Ларивану в лицо.)

Лариван. Хватит! (Занес топор.)

Ахмар (схватил его за руку, вырывает топор). Зачем марать руки?.. Кого ограбили, тот и накажет, — таков у нас обычай... Веди!

Кулобаев вводит Энтипа.

— Вот, Энтип, кто ограбил тебя! А это — тоже воровка! Вора и грабителям у нас одна дорога, сам знаешь.

Энтип (долго смотрит на Пинарина и Ульяну). Дайте топор...

Петток (прибегает). Комунишки не подпускают. Что делать?

Ахмар. Сволочи! Не успели... Кулобаев! Лариван! Поджечь амбары, живо!

Петток, Лариван, Кулобаев спешно удаляются.

— Бог тебя не осудит, Энтип. (Отдает ему топор.)

Энтип. Уходите... Я сам... Один...

Ахмар. Ну, смотри, Энтип! (Быстро уходит.)

Энтип (подходит к Пинарину). Да простит меня бог... Кричите! Ну!

Пинарин. Ни звука не услышишь! Руби, продажная шкура! Я не боюсь смерти... А ее... Пощади... если ты хоть немного человек.

Энтип. Кричите, говорю! Ы-ых! (*Рубанул по веревкам, которыми привязана Ульяна. Ульяна повалилась на пол.*)

Пинарин коротко вскрикнул.

Ахмар (*приоткрыв дверь*). Кажись, один готов... (*Закрывает дверь.*) Кличьте народ! (*Голос его удаляется.*) Это не мы! Мы ничего не знаем... Сами озлобили людей... (*Голос его стих.*)

Слышатся звуки набата, выстрелы.

Энтип, прислушиваясь, стоит с топором.

Пинарин. Ну, чего стоишь? Твой бог простит тебя... Руби, иуда!

Энтип. Хлеб жгут...

Пинарин. А ты убиваешь.

Энтип. Не терзай душу, Микита... (*Бросает топор, развязывает руки Пинарину и одним ударом вышибает окно.*) Уходите... Скорей... Спасай свою Ульяну...

Пинарин (*застыл в недоумении*). Ты... Ты...

Энтип. Идите с богом. Живее!

Пинарин (*подняв на руки Ульяну*). Идем вместе, убьют тебя, Энтип...

Энтип. Идите, я сказал! (*Схватив доску, запирает ею дверь.*)

Пинарин уходит через окно с Ульяной на руках.

Голос Ларивана (*вдали*). Эй, народ, слушай! Там Кирка Энтип зарубил председателя волости.

Голос Кулобаева. Собаке — собачья смерть!

Голоса:— Почему без суда?

— Где он?

— Довели человека, вот и не сдержался!

— Звери цепные!

Гул толпы, голоса все ближе. Энтип бросает на груды дров возле печки шинель Пинарина, сняв с крюка керосиновую лампу, разбивает ее и поджигает дрова. Затем тяжелой поступью идет к выходу.

Энтип (*в дверях*). Судите меня, я грешный человек... Я убил...

Караулку охватывает пламя пожара.

Голос из толпы: Там амбары горят!

Толпа с криками разбегается. Гудит набатный колокол.

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Картина шестая

Спустя несколько лет.

Кабинет секретаря волкома партии. Пинарин стоит у раскрытого окна и смотрит вдаль. Шарашкин ходит взад-вперед, нервно курит.

Шарашкин *(после паузы)*. Ну, как ты не понимаешь, дорогой, — ведь это же настоящее искривление. Угроза! Больше того, если взять в мировом масштабе, то можно ответственно заявить: пахнет явно нехорошим концом!

Пинарин. Значит, остается лезть на крышу и вопить: «Караул»! Так что ли?

Шарашкин. Этого мало! Я бы на твоём месте волосы на себе рвал. Классический пример политической близорукости! Ахмар, отъявленный кулак, можно сказать, твой личный враг, снова на глазах ожил... Куда же дальше! Мало того, он стал открыто торговать. Куда смотришь?

Пинарин. Не знаю, откуда все это взяли. Ахмар после Карачкинского восстания вот уже три года в бегах находится.

Шарашкин. Разве?

Пинарин. Только до сих пор мы так и не знаем, кто помог ему избежать наказания...

Шарашкин. Те же, наверно, кто и сейчас покрывает его. Так-то, Пинарин! А ты хочешь, чтобы их гладили по головке...

Пинарин. Как всегда — туманно. Впрочем, не в этом дело, товарищ Шарашкин. Я не могу понять, почему Вы так упорно не хотите замечать в деревне никого, кроме кулака?

Шарашкин. Опять на медведевском Энтипе хочешь политику делать?

Пинарин. Таких, как Энтип, в волости три

тысячи, и больше половины из них уже вступило в кооператив. Вы подумали, что это означает?

Шарашкин (хохочет). Ко-операция! Ну, и политик ты! Уж не собираешься ли заменить советскую власть кооперацией?

Пинарин. Власть сама по себе—пустое слово. Власть должна опираться на политику партии, значит, и на волю масс.

Шарашкин. Так, так... Выходит, через кооперацию ты эти три тысячи середнячков хочешь превратить в кулаков? Хорошо... Ну, а куда ты, например, денешь таких беднячков, как Соколов?

Пинарин. Кулаков плодить никто не собирается. Это, во-первых. Что касается Соколова, то он через кооперацию пойдет по одной дороге с Энтипом — к социализму! Это, во-вторых. Ахмарам придется посторониться.

Шарашкин. А если они не захотят посторониться?

Пинарин. Столкнут.

Шарашкин. Вот это фи-ло-софия! Выходит, Соколов и Энтип — вместе! Очень интересно! А ты спрашивал у Энтипа Кирки, желает ли он идти одной дорогой с Соколовым? А ты уверен, что их самих не столкнут с дороги?

Пинарин. Кто же?

Шарашкин (неопределенно). Мало ли.. Ну, скажем, те же кулаки, которые все-таки вырастут из твоих середнячков,—хотел ли ты того или не хотел...

Пинарин. Вот оно что! Значит, души середняка, чтобы он кулаком не стал? Так, что ли?..

Шарашкин. Де-ма-го-ги-я!

Пинарин. Ничего у вас не выйдет!

Шарашкин. Может, ты хочешь в уклоне меня обвинить?.. Я, может, не так выразился, а ты уж... Имею я право высказывать свое мнение как член партии?

Пинарин. Клеветать на партию Вам никто не позволит.

Шарашкин. Вон как ты повернул нашу интимную беседу! Ну, что ж..

Пинарин. Вот что, товарищ Шарашкин! Если вас прислали сюда работать,—будьте добры выполнять указания партии без колебаний. Хвостом не вилать.

Шарашкин. Если ты полагаешь, что пост секретаря волкома партии дает тебе право оскорблять честных партийцев,—мне не о чем с тобой разговаривать!

Стремительно идет к выходу. Навстречу ему в дверях показывается Энтип с хомутом. Боясь, что Шарашкин собьет его с дороги, он инстинктивно обороняется хомутом. Шарашкин сходу врывается в хомут, который застрял на его шее.

Шарашкин. Безобразие! В волком партии с хомутами лезут! Скоро начнут коров доить в кабинетах.

Энтип. Извиняюсь, товарищ начальник...

Пинарин от души хохочет. Шарашкин уходит, сильно хлопнув дверью.

Энтип. Ай, ай! Беда какая!.. Не Шараськин ли это?

Пинарин. Он самый.

Энтип. Чего ему тут надо?

Пинарин. Прислан на работу в исполком...

Энтип. В наш?

Пинарин. Да, в наш. Что это ты с хомутом-то, Энтип Кириллович?

Энтип. Не умеют их делать, Микита! Не жалеют коней. Эх, самим бы на шею такой хомут напялить!

Пинарин (берет хомут, осматривает). Да... Клещи вроде подходящие... Супонь в порядке. А вот хомутина... да-а...

Энтип. Вот, вот!.. Враз холку коню набьёт!.. О чем думают, вражьи души!..

Пинарин. Где купил?

Энтип. В центральном такими торгуют.

Пинарин. В центральном, говоришь? Надо заглянуть туда. Оставь-ка это у меня. До завтра.

Энтип. Нет, нет, что за деньги куплено, оставить не могу. Кооперацию открыли — больно хорошо! Просто благодать! Вот года три назад даже подков нельзя было купить... А теперь — и махорка, и сахар, и подковы есть... И у старухи радость: ребятишкам рубашки ситцевые справила.

Пинарин. Товар-то есть, а торговать, видишь, еще не научились. Этот хомут...

Энтип. Нет, нет, я его сам почищу...

Входит Кокшаев.

Пинарин. Вот и наш учитель. Прошу, Георгий Михайлович!

Кокшаев. Добрый день, Никита Петрович!

Энтип. Пойду-ка я, Микита... Спешу...

Кокшаев. А-а, кого вижу! Энтип Кириллович! Как говорится, на ловца и зверь бежит! Здравствуйте!

Пинарин. Энтип Кириллович здесь важный вопрос затронул. Считает, что продавать такие хомуты — значит, сознательно вредить нашему хозяйству.

Кокшаев. Наверное, он прав. Но Вы и самого спросите: сознательно он вредит, не пуская в школу своих ребят? Или не сознательно?

Пинарин. Ну?! Энтип! Как же это так, а?

Кокшаев. Всю зиму дети учились тайком от него. Весной посылает пахать, осенью — на молотьбу...

Пинарин. Не понимаю, Энтип Кириллович... Зачем же мешать им учиться?

Энтип (*набивая трубку*). Все станут писарями — пахать кто будет?

Кокшаев. Вот видали? Нам позарез нужны образованные люди, Энтип Кириллович!..

Энтип. Чтобы пахать, не надо писарем быть. Пахать и неграмотный может. Когда жизнь ладится — нужно трудиться. Топерь можно сказать, и хлеба больше стало, и налоги посильные. Во время посеешь, во время пожнешь — и хлеба вдосталь! Положенное государству отдашь, остальное — свое. Хочешь продавай, хочешь купи. Своя воля. Не ленись только!

Кокшаев. Но и учиться надо!

Энтип (*поднимаясь*). Ослобоните-ка вы меня... Дозвольте самому решать, как и что... Прощайте! (*Берет хомут и уходит.*)

Кокшаев. У него какая-то своя наука. Не поймешь.

Пинарин. В том-то и загвоздка! Не всегда мы с вами понимаем эту науку... Ну, как жизнь, Георгий Михайлович?

Кокшаев. К концу подходит. Пятьдесят сегодня стукнуло! Жена в гости зовет...

Пинарин. Ну уж к концу!.. Скажете тоже! Поздравляю, Георгий Михайлович, от души поздравляю. И у меня сегодня юбилей — да двойной еще: сынишке три года исполнилось, дочурке — два. Может, справим вместе? За одним столом? Здорово, а!

Ульяна (*входит*). Домой пора бы, Никита... (*Заметив Кокшаева.*) Здравствуйте, Георгий Михайлович. Добро пожаловать к нам на именины сына и дочери.

Кокшаев. Я предлагаю отпраздновать все три юбилея вместе.

Ульяна. Вот и хорошо! (*Взяв за руки Пинарина и Кокшаева.*) Пошли, пошли. Крестный дожидается, пришел прямо с хомутом...

Кокшаев. Кто же крестный?

Ульяна. Энтип Кириллович!

Пинарин (*смеется*). Только вот никак без святых не соглашается. Говорит: «Все мы православные, православному и жить должны... Крести сына — и никаких гвоздей!..» Идемте, Георгий Михайлович, может, совместными усилиями уговорим крестного отца...

Уходят.

Занавес

Картина седьмая

В доме Энтипа. Обстановка та же, что и в первом действии. Только в углу появилась этажерка с книгами. На столе газеты, журналы. На стене портрет Ленина.

Володя (*помогая матери сучить нитки*). А через год поеду в институт...

Анна. И ты надумал нас бросить?

Володя. Сандор-то остается в деревне, хоть и ушел из дому. А я поеду.

Анна. Вас разве удержишь! У всех теперь одна дума: учиться. Улик показала вам дорогу.

Володя. Не Улик, а агроном Ульяна Васильевна Пинарина. Поняла?

Анна. Да, да... Как она, бедная, страдала в молодости! Все повидала! Вчера гляжу на нее — и плачу от радости: в люди вышла.

В сенях слышны шаги.

Володя. Отец...

Энтип (*входит, рукавицы швыряет в одну сторону, фуражку — в другую, снимает фартук; косо глядит на сына*). Где там у нас щербатая ложка, мать? Дай-ка.

Анна. На что тебе?

Энтип. Дай, сказал!

А н н а приносит из кухни хорошую деревянную ложку.

— Щербатую, говорю!

А н н а приносит требуемое.

— А теперь подавай хлеб, соль!

А н н а вздыхает, молча приносит каравай, солонку, кладет на стол. Э н т и п отрезает ломоть хлеба, посыпает солью, затем кладет сверху ложку. Подходит к Володе.

— На, бери!.. А то с голоду подохнешь.

В о л о д я насупился.

А н н а (испуганно). Что ты это, Энтип? Куда его гонишь?

Э н т и п. Бери, говорят! Я тоже с такой ложкой жить начинал.

В о л о д я (готовый заплакать). Спасибо, отец. Проживу как-нибудь и без твоей ложки...

Э н т и п (жене). Слыхала?!

А н н а. Раз сам детей из дому гонишь, что же им говорить?!

Э н т и п. Не мели! Старшего-то с Антошой гнал кто? В колхоз подались! Ну, ладно: их, скажем, Микита с Ульяной с толку сбили. А этому какая нужда соваться туда же?

В о л о д я. Не по нужде, а по доброй воле, отец.

Э н т и п. По доброй воле, говоришь! Ну, тогда живи, как знаешь! У меня ни крошки не получишь! Уходи, чтобы глаза мои на тебя не глядели! (Кладет хлеб на стол.) Уходи!

В о л о д я. Я уйду, отец... Твоего мне не надо!.. О себе подумай. Тебя жалко.

Э н т и п. Врешь! Знаю я, как вы меня в ячейке жалете! Вам моя лошадь нужна! Моя корова! Мои куры! Эх, дурная твоя голова! В Калайкасах коммуния провалилась, в Карачкине провалилась, а вы, мокрицы, думаете, умнее других, свою коммунию здесь затеяли!

В о л о д я. Кто тебе наговорил?

Э н т и п. «Наговорил!..» Сам Шараськин из района прикатил. И тот смеется! Ну, что, говорит, твои оба дезертировали, теперь тебе придется отдать колхозу все свое хозяйство, начиная с лошади и кончая последней курицей, да по миру идти... Это что тебе, игрушка? (Ударяет по столу.) Нет, лучше пропадите вы оба пропадом! А из дому щепки не дам. Не дам, слышишь!

Володя. Пойми, отец, колхозу твои куры не нужны. А лошадь сам же приведешь, когда вступишь.

Энтип. Вот, вот. Этого только и ждете! Эх, вы! Только бы отцовское добро транжирить, а помощи от вас ни на грош.

Володя. Думал я до института с отцом в колхозе поработать. Больше года тебя ждал. Брат с Антошей за это время успели трактористами стать. И соседи в колхоз вступили. Только ты один, как крот, зарылся в своей норе.

Энтип. Довольно! Нашел дорогу — катись по ней! *(Показывает на дверь.)* Вон из моего дома!

Володя подходит к матери, целует ее.

— Пиджак, пиджак скинь, — не ты его наживал.

Сбросив пиджак Володя уходит.

Анна. Эх, Энтип, Энтип! Разве не отец ты им? Что ты делаешь, Энтип, что ты делаешь? Ты упрекал меня, что детей нет... Сколько раз я пешком ходила на Амаксарскую киреметь, бога молила, чтобы детей дал... И бог услышал мою молитву, семерых тебе родила... Двоих только и выходила, и тех выгнал. Сердце-то у тебя есть, Энтип? О господи, господи! Одинокими на старость лет остались. Детки мои горемычные, детки мои. *(Плачет.)*

Энтип *(долго молчит. Берет с лавки пиджак. Тихо.)* На, отнеси ему, не скоро сам-то заработает.

Анна. Эх, Володя, Володя... *(Уходит.)*

Энтип, понутив голову, садится у печки. Закуривает.

Матвей *(входит)*. Здорово! Что это ты голову повесил, сосед?

Энтип *(хмуро)*. Рыжая коза нынче приснилась, не знаю, к чему бы это.

Матвей. Бывает, бывает. Вот мне, например, однажды свинья в поповской ризе привиделась.

С улицы вдруг врываются звуки духового оркестра.

Энтип *(прислушиваясь)*. Опять митинг?

Матвей. Похороны!

Энтип. Кого хоронят?

Матвей. Глянь в окно — увидишь...

Энтип *(подходит к окну)*. Чудеса! Вместо гроба соху несут. Впереди, кажись, сам Шараськин? Что они? Ошалели?

Матвей. Хоронят.

Энтип. Заладил «хоронят». Кого?

Матвей. Тьфу! Кого да кого? Кто умер, того и хоронят.

Энтип. Ты, Матвей, толком говори: кто умер?

Матвей. Сам видишь, соху несут. Значит, соха и есть покойник.

Энтип. Соха?!

Матвей. Ну-да!

Энтип. Куда это ее?

Матвей. Мертвых, чай, в земле хоронят.

Энтип (глядя в окно). Постой, постой... В самом деле. Шараськин яму рыть начал... Вот диво!

Матвей. Как полагается, земле предают. (Смеется.) Да, прямо перед твоим домом.

С улицы доносится гул толпы. Отчетливо слышна
речь Шарашкина.

Шарашкин: Товарищи! Граждане! Сегодня мы, торжественно хороня соху, навеки хороним проклятый капитал. И потому, товарищи, я должен со всей ответственностью... предостеречь вас: кто теперь вытащит в поле соху, тот базоговорочно будет отнесен к категории чуждых элементов. Поэтому, товарищи...

Энтип (плюнув). Дураки! (Захлопывает окно.)

С улицы доносится музыка. Энтип затыкает окно одеялом.

Матвей. Говорят, сам Шарашкин затеял. Будто и музыку похоронную специально привез из города.

Энтип. Чего это они прямо перед моими окнами... Места мало что-ли?

Матвей. Шарашкин все затеял. Он, этот — как их называют-то? Вправо уклонился что ли... Баламутит народ! Здорово ему вчера в районе всыпали!

Энтип. За что?

Матвей. За дело — за что! Болтать стал, что мужики колхозов не хотят... Кулаков, говорит, трогать не надо, они сами к социализму придут, говорит... Много еще брехал. Тебя вспомнил. Ну, и прочистили его с перцем... Вот он и хоронит соху — грешки свои замаливает...

Энтип. Где он теперь служит-то, этот Шараськин?

Матвей. Говорят, в райземотделе.

Энтип (ткнув пальцем в лоб). Тут у него есть что-

нибудь, аль пусто? Соху похоронил, а чем землю пахать будет? Носом что ль своим?

Матвей (*закуривая трубочку*). Вот это другое дело, Энтип. Думаю, вместо сохи трактор пришлют.

Энтип. Тоже во сне привиделось?

Матвей. Ну-ка, закури сперва! Не во сне, Энтип, наяву видел, своими глазами.

Закуривают.

Энтип. Где же это?

Матвей. Вчера. В Сундыре. Люди вокруг него словно муравьи кишат. Каждый пощупать новорит. Я тоже протиснулся было. Гляжу: на тракторе-то... твой старший сидит! Ей-богу!

Энтип. Сандор?

Матвей. Ну-да, Сандор! А рядом с ним этот... русский... Помнишь?

Энтип. Смолин?

Матвей. Во-во! Он самый. Речь держал.

Энтип. Опять, из Питера прикатил? Зачем он тут?

Матвей. Его из Ленинграда колхозы строить прислали.

Энтип (*снова закуривает трубку*). Смолин.. Не стращал он?

Матвей. Что он, сумасшедший что ли? Речь говорил... Единоличники, они, говорит, что букашки, а толку что, говорит... Стало быть, хлеба собираем мало, индустрию, тьфу!.. Значит, фабрики и заводы... назад тянем.. Ежели говорит, каждый будет копошиться на своем клочке, как жук в навозе,—ничего из этого не получится... Складно так говорил!

Энтип. Говорить-то он мастак! А ты бы сказал ему: коли государству хлеб нужен, мы ему и без колхоза дадим... Пусть только писарей помене держат. А ежели писарей, как грибы после дождя, разведут,—всех их и колхозы не прокормят. Раньше на весь уезд был один писаришка, а сейчас их, чай, в районе-то больше двухсот... Все пишут... В прошлую субботу в городе в один дом заходил. Насчет налога... И дом-то с коробок... А сколько их там, писарей этих! Пропать! Все пишут, пишут... Головы даже не поднимают! Чего пишут—черт их знает! Все пишут...

Архип (*вбегает*). Матвей! С коих пор тебя ищу, всю деревню обежал.. Заступись, сосед! Житья нет никакого!

Раньше все «подкулачником» крестили, а теперь вот в кулаки произвели... Описывать хотят...

Стук в окно. Издалека доносится рокот трактора.

Митруха (с улицы). Энтип! В поле зовут!

Энтип (подходя к окну). Зачем это?

Митруха. Некогда докладывать. Выходи!

Матвей. Ну, вот... Кажись, и трактор пожаловал... Я пошел. Идем, Энтип.

Архип. Энтип, ты бы хоть заступился...

Энтип. Не дергай за рукав... Некогда мне... (Выходит вслед за Матвеем.)

Опускается занавес. На просцениуме: идет Матвей, его догоняет Архип.

Архип. Постой, Матвеюшка. Постой же!.. Заступись, сосед. Христом богом прошу.

Матвей уходит. Следом проходят Соколов, Митруха. Архип встает перед ними на колени.

— Соседи! Граждане! Заступитесь...

Соколов и Митруха проходят, не обращая внимания. Архип встает, угрожающе:

— Ну, этому не бывать! Спалю все, на ветер пушу!

Бежит обратно и натывается на Ахмара.

— Мать честная! Ахмар?!

Ахмар (поспешно). Проглоти язык. Не Ахмар я. (Оглядываясь по сторонам, шепотом.) Кого спалить хочешь?

Архип (так же тихо). Не говори. Заживо хоронят...

Ахмар. А ты уж и хвост поджал? Меня тоже схоронили, а вот жив. Не трясись, не выдам.

Архип. Христом богом...

Ахмар. Хватит тебе христарадничать! В поле беги: землю хочет отрезать Пинарин. Пора прикончить этого антихриста.. Иди, зови своих.

Архип. А ты?

Ахмар. Я с опушки леса... Услышите меня.. Беги!

Быстро расходятся.

Картина восьмая

Поле. Справа виднеется Медведевка. От ее окраины тянется овраг. Слева — опушка леса, а чуть вдали от нее стоит полусгнившая одинокая ветла с огромным дуплом.

Солнечный день. Поют жаворонки. В поле ни единой души. Вдруг на опушке показывается А х м а р. С опаской посмотрев вокруг, он залезает в дупло ветлы и чем-то сквозь ствол проделывает пробонну размером с кулак, затем он снова незаметно исчезает в опушке.

Со стороны деревни идут Соколов, землемер, Ульяна, Матвей, Митруха.

Ульяна в косынке, в руках рейка. Матвей несет штатив, Митруха — ящик с теодолитом.

Землемер (глядя ввысь, мурлычет мотив «Жаворонка» Глинки). Эй, жаворонок, певун поднебесный, погадай мне: — выйдет Устюк за Кирюшку — взлети выше, а нет — спустись ниже...

Ульяна (смеясь). Не думаете ли еще раз жениться, Кирилл Романович?

Землемер. Молодость свою вспомнил, Ульяна Васильевна. Холостяком был — частенько мне с этой птахой беседовать хотелось. В старину говорили: откликнется жаворонок — задуманному исполниться. А мне вот все время глухой жаворонок попадался. Выйдешь, бывало, в поле землю мерить, крикнешь ему, а он — ни звука...

Соколов. Начнем что ли, Кирилл Романович!

Землемер. Да-да, приступим к делу. Ульяна Васильевна, дайте-ка план.

Ульяна достает из планшета план и протягивает землемеру.

— Так... Пятый квадрат... Вашему колхозу, следовательно, надо прирезать еще сто гектаров. Так, председатель?

Соколов. Нет. Сто и девять десятых!

Землемер. Еще кто вступил?

Соколов. Сын Энтипа, Владимир Алмазов.

Землемер. Один?

Соколов. Пока один.

Землемер. Значит, раскол в семье?.. Ну, ладно,

пусть будет сто и девять десятых. Ульяна Васильевна, пожалуйста, установите теодолит!

Ульяна. Сию минуту!

Извлекают с Митрухой из ящика теодолит, прикрепляют к штативу. Со стороны деревни доносится рокот трактора.

Землемер. Значит, Смолин задумал показать вам наглядно, как пашет его «путиловец». Отлично! Ульяна Васильевна, прошу ориентиров!

Ульяна. Сейчас! *(Берет вешку, рейку, флажки и уходит влево...)*

Землемер *(у теодолита)*. А этих, как их, «индюков», вызвали? Без них отрезать не могу.

Соколов. Что вы сказали, Кирилл Романович?

Землемер. «Индюков», говорю. Шарашкин так единоличников перекрестил.

Соколов. Понятно, понятно. Всем явиться велено. Только зачем их Шарашкин такими словами честит?

Матвей. Вон они идут.

Появляются Энтип, Степанида и другие односельчане. Позже приходит Архип.

Ульяна *(издалека)*. Кирилл Романович! *(Ставит вешку.)* Ну как, хватит?

Землемер *(у теодолита)*. Левее.. Еще левее! Еще.. Стоп! Установите флажок! *(Заносит на карту.)* А теперь — правее на триста метров. Триста, триста, говорю! *(Взглянув на пришедших.)* Здравствуйте, граждане!

Энтип и стоящие рядом с ним молчат. Землемер, пожав плечами, наклоняется у теодолита.

Ульяна *(издалека)*. Кирилл Романович! До оврага всего каких-нибудь сто метров осталось!

Землемер. Нет, не сто, сто три с четвертью. Назад! Стоп! Ставьте флажок Ульяна Васильевна! *(Заносит на карту. Соколову.)* Ясно, товарищ председатель? В пятом квадрате единоличникам остается полоска шириною... *(проверяя данные)* всего-навсего сто три с четвертью... Дальше им — в овраг...

Энтип *(вплотную подходит к землемеру)*. Ты что, серьезно аль шутишь?

Землемер *(приподняв очки)*. А-а!.. Здравствуйте, здравствуйте...

Энтип. Ты мне толком скажи, по какому такому праву в овраг меня хочешь столкнуть?

Степанида. Дать ему в морду! Насмехаться приехал!..

Землемер (пятится). Граждане! Поймите, я ничего такого не говорил... Только сказал, что в пятом квадрате единоличникам земли остается... лишь по краю оврага. В шестом — на равнине... Смерить могу. Товарищ председатель, разрешите рулетку...

Соколов подает рулетку.

Энтип. погоди. Ты что, в самом деле задумал мне петлю на шею накинуть да в овраг стащить?

Соколов и Матвей растягивают рулетку.

Землемер. Простите, гражданин. Я вас впервые вижу. Я не узурпатор...

Энтип. Брось хвостом вилять, говори прямо: какую мне землю дашь?!

Степанида. «Мне» да «мне»... Чего ты все о себе? Ты и за нас хлопочи.

Архип. Что с ним толковать, свернуть ему шею да самого в овраг!

Соколов. Ну, ну, полегче, Архип!

Митруха (гневно). Ты брось, Архип! Мы тебе тут не курицы, чтобы шеи сворачивать. Понятно?

Энтип (наступая на землемера). Не пойду к оврагу!

Степанида. Сам господь повелел от земли кормиться. Никуда не пойдем!

Землемер. Что же это вы на меня-то ополчились? В первую очередь я обязан отрезать землю колхозу. А потом...

Энтип. Подыхать мне в этом овраге?!

Архип. За что людей со света сживаете?

Землемер. Как жетак, а? По-вашему, значит, колхоз в овраг свалить, а вам на равнине?..

Энтип. Где хочу, там и сею! Моя воля! Теперь я человек свободный.

Соколов. Воля-то твоя, а земля чья? Наша она, народная!

Энтип (хмуро). Сперва попробуй хлеб вырастить, а потом уж с тобой говорить будем.

Соколов. Вырастим! Какой еще вырастим!

Ульяна возвращается. Гул трактора все слышнее.

Землемер. Ульяна Васильевна, садитесь на трактор и проведите новую границу (Указывая движением головы на единоличников.) А я пойду им отмерю.

Ульяна. Хорошо. (Уходит.)

Митруха. Трактор! Вот чудо! Пойду погляжу своими глазами. (Уходит.)

Энтип (преграждая путь землемеру). Постой-ка, товарищ межевой... А-а-а... в сторону Сибири тоже колхозы будут?

Землемер. Думаете переселиться? Да, там тоже колхозы.

Энтип. А в сторону Нижнего?

Землемер. И там.. Товарищ Соколов, берите рулетку. (Энтипу.) Пойдемте, теперь отмерим для вас.

Степанида (Соколову). Подавиться бы тебе! Тыфу, шайтан!

Архип. Прикончить его — и basta!

Соколов. А ну, посторонитесь с дороги!

Матвей. Посторонитесь, сказано!

Архип, Степанида и остальные единоличники отступают. Землемер, Соколов, Матвей уходят. С грохотом проходит трактор. За ним — Антоша, Ульяна, Митруха, Настюк и другие. Они бросают в воздух кепки, машут платками, кричат: «Путиловец! Путиловец! Ура-а!»

Энтип, вытаращив глаза, стоит на пути трактора. Неожиданно появляется Ахмар и прячется в дупло ветлы. Справа в поле показались Смолин и Пинарин.

Смолин (взволнованно). Ну вот, Никита Петрович: то, о чем мечтал Владимир Ильич, стало явью и для вашей Медведевки!

Пинарин. Спасибо тебе, Андрей Иванович! Путиловцам спасибо!

Сандор. Папа! Посторонись! Задавит!..

Смолин (с улыбкой к Энтипу). Энтип Кириллович! Видишь, какого коня твой старшой оседлал! Ну, ну, дай ему дорогу... (Отводит в сторону.)

Из пробойны ствола ветлы показалось дуло обреза. Выстрел, за ним еще. Пинарин падает, Ахмар выбегает из дупла и быстро скрывается в опушке.

Смолин (подбегая к Пинарину). Кто стрелял? Никита!..

Сбегаются люди, окружают Пинарина. Смолин, разорвав на себе рубашку, перевязывает ему рану.

Митруха (подбегая). Вот отсюда стреляли! Со стороны леса!

Соколов. Вдогон, мужики!

Митруха, Соколов, Сандор, Антоша и другие убегают. Матвей, сняв пиджак, подкладывает его под голову Пинарина.

Смолин. Осторожней, осторожней!

Ульяна (прибегает). Микита! Микита!.. Убили.. (Уткнулась лицом в грудь мужа.)

Смолин. Лошадей скорей! В город надо везти!

Шарашкин (задыхаясь подбегает к Пинарину, скорбно снимает фуражку). Какое преступление! Чудовищно! Среди белого дня.. (Матвею). Кто это сделал?

Матвей. Стреляли со стороны леса.

Шарашкин. Ах, вон как.. (Бежит в сторону опушки.)

Смолин, Матвей, землемер молча берут на руки смертельно раненного Пинарина.
Беззвучно плачет Ульяна.

Энтип (возвращается). Эх, Микита, Микита... Кому это надо было? И зачем?

Занавес

Сцена в Мелколесье

Слева один за другим пробегают Митруха, Соколов, Сандор, Антоша.

Из-за кучи бревен, лежащей чуть в стороне, поднимается Ахмар с обрезом в руке и бежит в противоположную сторону.
Навстречу ему Шарашкин.

Шарашкин. Стой!

Ахмар. Слава богу, свой!.. (Весь дрожит.) Свой, Василь Иванович, свой!..

Шарашкин. Это ты стрелял?

Ахмар. Да, да... Василь Иванович... Рад доложить тебе: приказание твое выполнил.

Шарашкин (посмотрев вокруг). Молодец... Объявляю благодарность...

Подходит вплотную и стреляет в голову. Ахмар падает без единого звука.

Соколов (издалека). Там кто-то стреляет... За мной!

Один за другим подбегают Соколов, Митруха, Сандор, Антоша.

Шарашкин. Не успел взять живого: под тяжестью своего кровавого преступления классовый враг покончил собой из своего собственного обреза!

Митруха. Ахмар?!

Соколов, Антоша, Сандор. Гад!

Шарашкин. Закопайте его, собаку!

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Картина девятая

Двор Энтипа. Старые ворота. Палисадник. Виден угол амбара. За амбаром яблоня. Посреди двора небольшой столик.

Энтип. Цып-цып-цып... Кыш! Чужой петух привязался! Кыш, негодный! Цып-цып-цып...

Где-то за сценой проезжает телега.

Матвей. Распрягайте! *(Через забор.)* Здорово, Энтип! Как живешь?

Энтип. Да ведь живешь, что воз прешь... Беда от этих кур — все грядки расшвыряли. Да паданцы больно клюют! Сын мой с тобой не приехал?

Матвей. Володя? Нет. Сказал — некогда, в Москву едет. Кланяться велел.

Энтип. Вспомнил все-таки?..

Матвей. Обиду свою не высказал. Как-нибудь поладим, говорит.

Энтип. Так, так. Значит, поладим, говорит?.. А на машине кто приехал?

Матвей. Смолин, Андрей Иванович.

Энтип. Не устает, везде поспевает... Зашел бы ты... Сына ждали — пиво сварили...

Матвей. Спасибо. Как-нибудь другой раз... *(Уходит.)*

Энтип *(достает из кармана какую-то бумажку, вертит в руках)*. Эк-кий! Показать ему хотел... Чурается! *(Садится на ступеньку крыльца, вновь запихивает бумажку в карман.)* Кабы Микита жив был, может, на равнине бы пашню выхлопотал... А русский-то меня помнит...

По улице шумно проходит молодежь. Поют частушки. Играет гармонь. Энтип поднимается, подходит к воротам, заглядывает в щелку.

— Раз, два, три, четыре... Семь подвод! Который раз сегодня проезжают! Возят да возят. С песней стали хлеб

растить! Видать, и бог с ними заодно... Вот опять! Раз, два, три... Пять подвод! У Соколовых раньше мыши с голоду дохли, а теперь возами возят... *(Садится на скамейку, закуривает.)* Колхоз... как быть? Вступишь — значит, лошадь отдай, и телегу отдай, и сбрую... И на тарантасе больше не прокатишься..

На улице шум машины. Энтип снова подходит к воротам.

— Ишь, как чешет! *(Усмехаясь.)* Вот наделают таких побольше — и тарантас мой едва ли нужен будет... *(Пауза.)* Судьбы, видно, не минуешь... Трактором будем пахать — облегчение будет... Видать, что миром положено, тому и быть. *(Крестится.)* Слава богу, на душе полегчало... *(Садится на скамейку.)*

За изгородью показываются Антоша и Сандор. Заметив, что Энтип о чем-то рассуждает с самим собой, они останавливаются. Прислушиваются. Антоша незаметно забирается на яблоню и скрывается в ветвях. Сандор притаился у ворот.

— В животе что-то урчит.. И жены не дождешься... Коли лошадь нашлась, должна бы вернуться... Эко урчит! *(Смотрит на яблоню.)* До спаса немного осталось... Э, грех да беда на кого не живет, отведаю-ка. *(Берет паданец.)* Мягкое какое... И пахнет хорошо...

Антоша, сорвав яблоко, бросает его к ногам Энтипа.

— Еще одно упало! И это поспело... *(Подносит ко рту.)*

Антоша бросает в руки Энтипа другое яблоко.

— Ну и ну! Прямо в руки! Совсем рассыпчатое... *(Хочет откусить.)*

Антоша бросает яблоко Энтипу на голову.

— Ай-ай! Прямо в голову угодило! *(Почесывая ушибленное место.)* Никак шишка? *(Разглядывая яблоко.)* Ах, щельма! Придется и тебя скушать... *(Разламывает яблоко и откусывает.)*

Антоша срывает новое яблоко и бросает на спину Энтипа.

— Ой-ой-ой!.. Что это?! *(Выплевывает и смотрит вверх.)* И ветра нет, а падают да падают прямо на голову! Не к добру, чай... *(Садится.)* Что же это старуха-то задержалась?.. *(Опять берет в руки паданец.)* Говорили, до

спаса съешь — гром разразит, а на небе ни облачка...
Отведаю-ка все же. (Откусывает.)

На голову Энтипа снова падает яблоко.

— О господи! Видно, сам Илья пророк разгневался...
Согрешил, дьявол!

Сандор (хохочет.) Вон он, твой-то Илья пророк, отец! Видишь? (Показывает на сидящего на яблоне Антошу.)

Энтип. Антошка?! Тьфу, пострел!..

Антоша (спрыгнув с яблони, вместе с Сандором входит во двор. В руке гармонь). Опасность миновала, Энтип Кириллович, смело можете яблоки есть. Берите, берите! Не бойтесь, сам Илья пророк повелевает вам...

Энтип. Люди трудятся, а вы шалтай-балтай, значит.

Сандор. А что, разве колхозное дело и тебя задевать стало, папа?

Энтип. Вот те на! Чай, дело-то нигде лентяев не терпит!

Антоша. Можете не сомневаться, дядя Энтип: с порученным делом мы отлично справились!

Сандор. За перевыполнение плана премию получили да вдобавок аванс!

Энтип. А-а, коли так, садитесь, пивом угощу. Для Володи было сварили, а он в Москву укатил. Вот как!

Антоша. Чего-там — пиво, Энтип Кириллович! У нас есть покрепче Вашего... (Из кармана вытаскивает бутылку и ставит ее на стол.) Портвейн «Три семерки». Не вино, а чудо!..

Энтип. Ладно, харч мой, вино ваше! (Поглаживая бородку, направляется в избу, но, услышав возбужденный голос Сандора, останавливается за дверью и прислушивается.)

Сандор (тихо). Видал, Антоша? (Ткнув пальцем вслед Энтипу.) Вот он самый и есть пережиток капитализма, наследие прошлого... И представь — это мой папа!

Антоша. Ты что, лишнего хватил?

Сандор. Вот увидишь, из-за него Смолин ни за что не пошлет меня на слет ударников. Позор! Володя в институте учится, сам я в ударниках числюсь в колхозе, а родного отца не могу туда затащить. Стыд-срам!

Антоша (наигрывая неопределенную мелодию). В колхоз-то он вступит, в этом я нисколько не сомневаюсь...

Сандор. Но когда?

Антоша. А знаешь, если маху не дадим,— сегодня, сию же минуту!

Сандор. Каким это образом?

Антоша. А так! Он просил тебя о пропаже лошади написать заявление в милицию?

Сандор. Ну, просил...

Антоша. А ты вместо этого накатай: так мол, и так, в мелких собственниках жить мне смертельно надоело, а по-сему, дескать, от самого чистого сердца прошу принять меня в наш родной колхоз. Потом дай ему расписаться. Ну, а заявление вместо милиции отнесешь в правление, Ульяне Васильевне. И дело с концом!

Сандор. А вдруг он прочесть захочет?

Антоша. А разве он грамотный?

Сандор. С грехом пополам может.

Антоша. Рискнем для общего блага... Тс-с-с! Идет... *(Лихо играет на гармошке.)*

Энтип выносит стаканчик и сушеную рыбу.

Сандор. Ну, начали! Папа, ты ближе садись. Вот так! *(Наливает.)* Ну, выпьем, друзья, сказал Пушкин! *(С шутиливой торжественностью декламирует.)*

«Кубок заздравный полон давно,
Пеною белой блещет вино»...

Антоша. За что же нам выпить?

Сандор. Ну, хотя бы за успешные поиски папиной лошади.

Антоша. Дело!

Энтип. Не-най, найдется ли... *(Пьет.)*

За ним пьют Сандор и Антоша.

Антоша. Лошадь не иголка в сене, найдется.

Энтип. Мать вон с утра по лугам рыщет... Да без толку, видно.

Антоша. Милицию надо на ноги поднять! Без милиции тут не обойдешься.

Энтип. Просил Сандора заявление написать, а он что-то не пишет.

Антоша. Ты что, отца не слушаешься? А ну, живо!

Сандор. У меня тут ни карандаша, ни бумаги...

Энтип. Зашел бы в дом. Чужой что ль, чураться!

Сандор. Сейчас, сейчас. (Заходит в дом.)

Антоша. За ваше счастье, Энтип Кириллович! (Пьет.) Эх, спою-ка я вам свою любимую! (Растягивает гармонь. Поет *.)

Энтип. Хорошая песня! За душу берет.

Антоша. Раз по душе, давай за нее еще по одной!

Энтип. Обожди малость.

Сандор (выходит). Писал, писал, не знаю, как вышло...

Антоша. Читай, там видно будет.

Сандор (читает). «В Сундырскую милицию.. Я, гражданин Алмазов Энтип Кириллович, настоящим прошу от всего чистого сердца...»

Антоша (заглушив диссонансными аккордами на гармонии). Постой, постой! Не то читаешь: милиция — и тут же у тебя чистое сердце. Ералаш какой-то!

Сандор. Нет, я не так прочитал..

Антоша. Читай еще раз! Только правильно!

Сандор (читает). «В Сундырскую милицию.. Я, гражданин Алмазов Энтип Кириллович, настоящим прошу принять меня...»

Энтип (постукивая трубкой о стол). Чего ты там городишь? «Принять...» Что я, в милицию работать прошусь?

Сандор. Не так ты понял, отец... Тут у меня сказано: «Настоящим прошу принять мое заявление...»

Энтип. Другое дело! Дай, распишусь... (Взяв заявление кладет его на стол и, водя пальцем, читает по слогам первые предложения. Вдруг поднимает голову, удивленно и растерянно смотрит на Сандора и Антошу.) Вон тут милиция-то какая... (Долго смотрит в раздумье. Затем берет у Сандора ручку, вновь наклоняется над столом и медленно, букву за буквой выводит на листке свою фамилию.)

* Можно исполнить первое четверостишие популярной чувашской песни Ф. П. Павлова «Пчелка» в русском переводе Н. Павлова.

И далее на тот же мотив:

Над цветочком полевым,

Над цветочком полевым, полевым

Все летаешь, все кружишь,

Все летаешь, все кружишь, все кружишь?

Сандор и Антоша радостно и тревожно смотрят друг на друга. Неожиданно входит Шарашкин, за ним председатель сельсовета Палеев и понятой со связкой замков и ключей. Энтип забирает со стола заявление.

Шарашкин (официально). Алмазов Энтип Кириллович?

Энтип. Он самый.

Шарашкин (оглядывая двор). Начнем! Палеев, ты будешь называть недвижимое, понятой — движимое.

Энтип. Что это вы? (С недоумением смотрит на Шарашкина.)

Шарашкин. Ты думал укрыться в своей лисьей норе, бунтовщик! Вишь, как живет!

Антоша. Что вы, собственно, намерены делать тут, товарищ Шарашкин?

Шарашкин. Раскулачиваем, молодой человек. (На Энтипа). Социально опасный элемент!

Сандор. Уходите отсюда! Сейчас же!

Шарашкин. Птенец!

Антоша. Не птенец он, а комсомолец. И я в комсомолу состою. Да вдобавок учтите, мы сыновья Энтипа Кирилловича. Ясно, с кем вы имеете дело?

Шарашкин. Т-а-ак! Кулаков защищать, комсомолу! За это вы ответите!

Антоша (Сандору, полушепотом). Пошли скорее к Смолину! (Быстро уходят.)

Шарашкин. Начали!

Энтип (ошеломлен). Это как же так? Чего у меня кулачить-то?!

Шарашкин (садится, Палеев подает ему чернильницу.) Там видно будет. Приступайте, Палеев.

Палеев (обходя двор). Изба — одна...

Шарашкин (записывая). Так, одна. Амбаров?

Палеев. Два.

Шарашкин. Два? Ого!

Энтип. Своими руками строил.

Шарашкин. Дальше!

Палеев (за сценой). Лачуга с окнами — одна!

Шарашкин. Вот тебе и середняк!

Палеев. Тут еще черная баня! Что делать!

Шарашкин. Описать!

Палеев. Может, оставим?

Шарашкин. Нет, таких надо с корнем выкорчевывать... Что еще там из недвижимого?

Палеев (выходит из-за строений). Больше вроде—ничего.

Шарашкин. Приступим к движимому.

Анна (радостно вбегая во двор). Нашлась наша кобылка, Энтип, нашлась!

Энтип (бежит навстречу). Гони обратно! Гони! Скорее...

Анна. Что?

Энтип. Обратно, говорю, гони!

Анна. Ты что, очумел?

Энтип. Эх ты! Тоже...

Схватив хворостину, выбегает на улицу. Слышно, как он хлещет лошадь. Раздается ржание и удаляющийся стук копыт.

Шарашкин. Гражданин Алмазов! Ты за это головой ответишь! Эй, Палеев! Понятой!.. Сейчас же под замок все движимое и недвижимое!

Палеев и понятой вешают замки на все двери.

Шарашкин (Энтипу). Корова имеется?

Анна (ничего не понимая). Зачем вам наша корова?

Шарашкин. Тебя не спрашивают! Где корова, Алмазов?

Анна. Молока что ли надо? Я принесу...

Энтип растерянно достает из кармана бумажку, кладет на стол перед Шарашкиным.

Шарашкин (возвращая бумажку). Лисой прикинулся? Думаешь в колхозе шкуру спасти? Не выйдет! Палеев! Посмотри в книге, сколько у него коров?

Палеев. Одна.

Шарашкин. Птиц?

Палеев. Не записано.

Энтип (вспыхнув). А-а, вам и кур! Все возьмите! Ловите!.. Может Советы и впрямь разбогатеют!

Бежит за сарай, откуда раздается истошный крик вполосившихся кур.

Шарашкин. Палеев! Понятой! Преостановить разгон движимого имущества! Запломбировать, опечатать все двери!

Разбегаются в разные стороны.

Занавес

Картина десятая

Слева — фасад колхозной конюшни, лестница на сеновал: на пролоке покачивается кусок рельса. Вдали желтеет пшеничное поле. На переднем плане — двуколка с бочкой. Вечереет. Ветерок доносит с поля песню, мерный рокот комбайна. Энтип чинит хомут.

Тоня (выходит из конюшни, присаживается к Энтипу). А потом, дядя Энтип, как было?

Энтип. Да... Так и схоронили мы твоего папу... Над могилой памятник ему поставили... Чтобы, значит и вы, и дети ваши, и внуки, и правнуки — все о нем помнили... Ему-то он зачем, памятник! (Строго.) Для вас ему памятник поставили. Не то разбогатеете при новой жизни — и память у вас отшибет, забудете, кто вам дорожку к счастью прокладывал... Вам-то наша прошлая жизнь вроде сказки, интересно, жутко — и только... Молодые, зеленые!..

Тоня (встает). Зачем ты так говоришь, дядя Энтип?!

Энтип. Ну, ну... Это я так... На себя обида... Кабы мне тогда теперешний ум... (Пауза.)

Тоня (с болью в душе). А как же Ахмар среди белого дня осмелился поднять руку на папу? Как?

Энтип. Раненый зверь, что и бешеный: не держи его в поле, худо будет.

Тоня. Не натравленный ли был зверь-то этот — вот загадка! Не застрелись Ахмар — и разгадка бы наверно нашлась.

Энтип (в раздумье). Застрелился ли Ахмар?.. Он скорее перегрыз бы всю деревню, нежели руку на себя наложил... И тут, откуда не возьмись, возле него Шарашкин очутился...

Тоня. «Шарашкин...» Ты его лично знаешь, дядя Энтип?

Энтип (зло). Всех чертей знаю, но такого дьявола не дай бог! Тьфу! Сходи-ка, посмотри, как там наша «Сивка»? Не проворонить бы нам... С разговорами-то.

Тоня. Не беспокойся, дядя Энтип. Расскажи еще про Смолина, а я потом опять схожу посмотрю.

Энтип. Что про него рассказывать!.. Пришел он в мой дом вроде как чужой. Наганом вот этак перед носом размахивал. А стал ближе родного... После смерти Микиты не поехал в свой Питер, у нас остался, районом заправляет... Маму твою мы заместо Петра Соколова председателем из-

брали... Вот они и воюют вместе... (*Доверительно.*) А Смолин-то, хоть и городской, коней шибко любит... Задумал я такого коня ему выходить чтобы — как ветер.

Тоня. Нужен ему твой конь! У него автомобиль.

Энтип. Машина — машина и есть, с конем ее не сравнивать. Конь душу имеет. Понимаешь, душу! В любую непогоду вывезет тебя куда хошь. Мужик без коня, что баба без печки... Вот если «Сивка» принесет жеребчика — Смолину его и определим. Ну-ка сходи, глянь.

Тоня скрывается в конюшне. Энтип тоже поднимается, замечает проворно идущую с поля Степаниду.

— Что это ты, Степанида: в поле последней, а с поля первой? Солнце-то еще вон где!

Степанида (*хитрит*). Детишки, чай, проголодались... (*Собирается идти.*)

Энтип (*преграждая ей дорогу.*) Или в яслях кормить перестали?

Степанида. Эх, будь они неладны! Небось, избу оставили открытой...

Энтип (*заметив у нее на поясе ключ*). Не потеряй ключ-то. А то ни за что ни про что ребятишкам от тебя достанется.

Степанида. Не задерживай, Энтип. Хворь меня одолела. С утра неможется...

Энтип. Лень тебя одолела. И не с утра, наверно, а еще раньше.

Степанида. Эх, Энтип... Будто я тебе вражина какая!

Энтип. Вражина — не вражина да радости от тебя людям мало. Не видишь что ли, хлеб вот-вот осыпаться начнет. Хочешь есть калачи — не лежи на печи...

Степанида (*поворачивая обратно*). Подумаешь! Председатель какой выискался!..

Энтип (*смеется*). Так, так...

Входят Смолин, Ульяна, Матвей Ильич. Ульяна значительно поседела.

Ульяна. Энтип, мы к тебе...

Энтип. Добро пожаловать, Андрей Иванович! Давненько не были у нас?

Смолин. Приехал вот. Здравствуйте. Ругать приехал...

Энтип. За что же это?

Смолин. На току накопилась целая гора хлеба, а заготовку еле выполняете...

Ульяна. Выручай, Энтип Кириллович? Не успевают наши кони... Может, дашь своих породистых рысаков? Застоялись, небось? Им тоже делу надо приучаться...

Смолин. Вот будет красивый обоз! Посмотрят люди — ахнут: «Вот это, дескать, да!»

Энтип (*подумав*). Что ж, можно! Давай, Матвей Ильич, запрягай. Только смотри, осторожней...

Матвей Ильич скрывается за конюшней.

Смолин. И «Жемчуга»?!

Энтип. Пускай и «Жемчуг» поработает.

Смолин. Как же так, Энтип Кириллович, мы же уговорились беречь его до... Москвы?

Энтип. Не сомневайтесь, Андрей Иванович... Оттого, что «Жемчуг» немного поработает, ему только польза будет. Бог даст, скоро еще один «Жемчуг» появится: «Сивка» вот-вот должна ожеребиться. Может, заглянете, Андрей Иванович? (*Направляются в конюшню.*)

Смолин. Ну, ну, посмотрим твое хозяйство!

Энтип (*тихо Ульяне*). Не нашелся хлеб-то?

Ульяна. Как сквозь землю...

Энтип. Много украли?

Ульяна. Не в том дело, много или немного: паршивая овца у нас завелась.

Из-за конюшни показывается Тоня. Затем входят Сандор и Антоша; оба в запятых комбинезонах.

Сандор (*подходит к бочке*). Тоня!..

Тоня. Что, Сандор?

Сандор (*засучив рукава*). Полей мне, пожалуйста.

Тоня (*отгораживаясь вытянутыми руками, пятится; в знак отрицания энергично мотает головой*). Антошеньку своего проси.

Антоша (*напыщенно*). «О женщины! Ничтожество вам имя!..»

Тоня (*притворно строго*). Андрей Иванович приехал, некогда мне.

Антоша. Нужна ты ему! С Сандором поговори.

Сандор. Раз в неделю встречаемся, а ей все некогда. Скоро опять в поле...

Тоня. Ну, ладно, ладно... Разжалобил... (*Зачерпывает из бочки воды, поливает Сандору.*)

Сандор. Ах, хороша же водичка!

Антоша. Она тебя керосином обольет — и то для тебя чудесно!

Тоня. Перестаньте, а то уйду.

Сандор. Не уходи. Давай, наконец, поговорим.

Антоша (*заткнув уши*). Я ничего не слышу...

Сандор. Когда же свадьба, Тоня? А?

Тоня. Опять ты за свое!

Антоша. Чего ее уговаривать! Украдем — и баста!

Сандор. Смотри, Тоня, упрямитесь будешь — посажу на трактор и при всем честном народе увезу.

Тоня. Вода вся... Хватит! Вытирайся.

Антоша. Ты зубы не заговаривай. Говори прямо: когда свадьба?

Тоня. Хлеб бы быстрее убрали! Женихи!

Сандор (*врасплох обнимает Тоню, кружит*). Эх, Тонечка! Скорей бы осень... Тогда не отвертись!

Из конюшни выходят Энтип, Смолин и Ульяна.

Энтип. Тоня! Иди-ка запрячь помоги.

Тоня вырывается из объятий Сандора; убегает в конюшню. Сандор и Антоша, смущенные, уходят. Смолин и Ульяна Васильевна от души смеются.

— Вот как они жнут! Видали?

Ульяна (*смеется*). Кому осень, а кому весна...

Смолин. На то она и молодость... (*Подавая Энтипу руку.*) Что ж, Энтип Кириллович, начинайте понемногу в дорогу собираться.

Энтип. Ох, и задали же Вы мне задачу, Андрей Иванович!

Смолин. Робеете? Ничего, Москва — свой город, родной..

Ульяна. Въедешь в столицу на своем колхозном рысаке «Жемчуге» да еще с рапортом о нашем стадвадцатипудовом урожае!

Смолин. Здорово получится! (*Смеется.*) Ну, мы пошли на гумно, а вы тут с обозом потарапливайтесь.

2-й чекист (*появляется*). Я к Вам, товарищ Смолин. (*Осторожно разворачивает бумажную обертку и показывает круглый кусок свинца*). Вот посмотрите — пуля,

извлеченная из черепа Ахмара после его так называемого самоубийства...

Смолин (*осматривая*). Да ведь пуля из боевого пистолета ТТ!

2-й чекист. А у него, как известно, был с собой только обрез, из которого он и убил Пинарина.

Смолин (*в раздумье*). Понятно...

Ульяна (*с ужасом*). Неужели он?..

2-й чекист. Энтип Кириллович, вы не помните, когда вас Ахмар возил в Карачкино к Чишке Кулобаеву, не упомянулось ли там имя «Василь Иванович»?

Энтип. Помню, все помню...

Смолин. Действуйте со всей революционной решительностью, пока не раскроете лицо подлинного организатора и вдохновителя этого преступления.

2-й чекист. Есть действовать!

Смолин и Ульяна направляются в поле. Энтип идет за конюшню. Издалека доносится задушевная песня, мерно слышится гул комбайна. Справа появляются Анна и Володя.

Анна (*с узелком*). Вот тут он теперь хозяйничает.

Володя. И кушать домой не ходит?

Анна. День и ночь торчит на конюшне. И дом свой забыл.

Володя. Что-то не видать его?

Анна. Энтип!.. Энт-и-ип!

Энтип (*из конюшни*). Кто там? Кто меня спрашивает?

Анна. Гляди-ка, начальник какой нашелся.. Вышел бы посмотрел! А то «Кто спрашивает»...

Энтип (*выходит*). А-а, это ты, мать... (*Вдруг заметив Володю.*) Ба-а, младший приехал! Володя мой... Нежданно-негаданно... (*Сбросив фартук и рукавицы, обнимает сына.*)

Володя. Твой, отец, твой! Очень уж повидаться хотелось, из Москвы словно на крыльях летел.

Энтип. Не забыл значит... Так... (*Пауза.*) Прости ты меня, сынок...

Володя. Полно, папа... Стоит ли сетовать на то, что было десять лет назад? Все хорошо, что хорошо кончается. Врач вот теперь.. Как в народе раньше называли—доктор!..

Анна (*вытирая слезы краем платка*). На, Энтип, вареников, поешь, пока горячие... За хвост что ль привязали,

торчишь тут день и ночь. (Развязывает узелок и ставит на столик миску.)

Володя. Садись, папа, подкрепись. Силу надо беречь.

Энтип (ест). Ай, вкусно сварила, мать. Будешь сюда почаще вареники приносить — я, пожалуй, и вовсе тут останусь.

Володя. И сегодня домой не придешь ночевать, папа?

Энтип. Нонешняя ночь особенная, сынок: «Сивка» моя должна ожеребиться.

Анна. Какая она теперь твоя? Их теперь у тебя целый табун! «Моя»...

Энтип. Правду говоришь, старая. И «Сивка», и колхоз, и государство — все мое!

Володя смеется.

— Понятливая ты у меня стала. Вот буду уезжать — тебя главным над лошадьми приставлю.

Анна. Куда это ты, Энтип?

Энтип. По делам, значит...

Анна. В район?

Энтип. Что там район!..

Анна. Уж не в Чебоксары ли?!

Энтип. Подумаешь, Чебоксары!..

Анна. Хоть при Володе говорил бы толком: куда тебя вызывают и зачем?

Энтип. В Москву, вот куда. На колхозный съезд.

Анна. В Москву? Ай-юй! Кому ты в Москве понадобится?

Энтип. Стало быть, понадобился...

Володя. Правда, папа?

Энтип. Правда, сынок. Только что Андрей Иванович с Улькой приезжали. «Готовься, — говорит, — Энтип, к отъезду».

Володя. Раз сам Смолин сказал, значит, правда. Большое доверие оказывает он тебе, папа.

Энтип. Не забывает. Как Микита же: добрый, справедливый. И не стареет.

Володя. И ты, вижу, молодцом.

Энтип. Коли ты в доктора вышел, не хочу помирать, молодеть надо. Один? А невеста где?

Володя. Дай мне сначала у брата на свадьбе погулять.

Слышится шумный говор.

Энтип. Вот он с поля возвращается, спроси у него, когда женится..

Заржала лошадь.

— Пойду-ка, как там моя «Сивка»... (Проходит в конюшню.)

Анна. Тьфу! У него и на уме только «Сивка» да «Жемчуг»... Посидел бы, поговорил. (Володе.) Домой вместе приходите. (Уходит.)

Один за другим перепрыгивают через изгородь Сандор и Антоша.

Сандор. Володя!

Антоша. Здравствуйте, доктор!

Володя. Сандор! Антоша! Приветствую вас, прославленных капитанов степных кораблей!

Обнимаются.

Сандор. Давно?

Володя. Только что, самолетом.

Антоша. Надолго?

Володя. Пока жатву не завершите..

Сандор. Эх, мать честная! На жнитво бы тебя хоть на денечек, ин-те-л-ли-ге-н-ци-я!

Антоша. Что это на денечек? Жать да спину не ломать?.. Иначе совсем «интеллигентно» получится: живет — не жнет, а хлеб жует...

Смех.

Володя (озираясь вокруг). Какое приволье у вас! Что стоит выйти в поле подышать свежим воздухом...

Сандор. А ты посмотрел бы на нашу пшеницу днем, при солнце! Как море золотистое колышется от края до края.

Володя. А жаворонки, наверно, как заливаются!

Из-за конюшни выглядывает Тоня.

Антоша (подмигнув Сандору). Только ли жаворонки?..

Володя. Решено: завтра с восходом солнца — прямо в поле.

Сандор и Антоша хохочут.

Сандор. Нет, хочешь есть калачи — восход солнца в поле встречай. После ужина мы снова у штурвала!

Володя. Сдаюсь, сдаюсь...

Сандор. Пошли домой, поужинаем вместе. С папой успел повидаться?

Володя. Да у него тоже своего рода жатва. А дома нас мама ждет.

Сандор. А ну, Антоша, запевай свою любимую!

Крепко обнявши друг друга, с песней уходят домой. Темнеет. Кругом ни души. От качающегося на ветру фонаря падает луч света. Вдруг из-за конюшни метнулась тень. Это Архип, подойдя к двери конюшни, бросает гужи и быстро исчезает.

Энтип (выходит из конюшни). Тоня? Кто на «Чумаке» работал?

Тоня (появляется с фонарем). Архип Илларионович. Только что распряг.

Энтип. Сейчас же позови его сюда!

Тоня (за угол конюшни). Дядя Архип! Энтип Кириллович зовет.

Появляется Архип.

Энтип. Отчего у «Чумака» кровь на холке?

Архип. Натерло малость...

Энтип. Натерло... Самому бы тебе натереть! (Зажигает фонарь.) Где допоздна был?

Архип. Будто не знаешь! Уполномоченного отвозил. А по пути к зятю заехал...

Энтип. Ступай, скажи председателю: больше ты у меня лошади не получишь.

Архип. Ай-яй-яй, Энтип! Ты сам вроде как председатель распоряжаешься!

Энтип. Над лошадьми я выше председателя. Понятно?

Тоня (из-за конюшни). Энтип Кириллович!..

Энтип. Что там? (Идет к ней.)

Голос Тони. Смотри, рессора лопнула, по всей корзине — пшеница...

Архип (вздвинув). Неужто мешок прохудился?!

Голос Энтипа. Постой, постой... Он зерно возил сегодня?

Голос Тони. Сегодня нет. Вчера возил. Раньше вернулся.

Пауза.

Энтип (появляясь). Так... Выходит, вот кто на руку нечист. Должно, попутно упрятанный хлеб перевез: «Чумаку» весь в мыле... (Тоне, идущей следом за ним.) Ты вот что... Оставь-ка это зерно на месте... Утром Ульяне Васильевне покажем.

Архип (про себя). Неужто выдаст, проклятый!.. (Незаметно скрывается в темноте.)

Энтип. Смажь «Чумаку» холку и спать иди.

Тоня. Смазала.

Энтип. Тогда иди.

Тоня. А «Сивка»?

Энтип. Сам погляжу.

Тоня. Я на сеновале посплю.

Энтип. Ну, ну... Я, молодой был, тоже любил на сеновале спать. Мягко, и дух от сена хороший... Теперь вот старик...

Тоня (скрываясь на сеновале). Какой жеты старик, дядя Энтип! Трудодней, наверно, больше всех заработал. Молодым за тобой не угнаться.

Энтип. Где там! Разве за теперешней молодежью угонишься. Вон Сандор с Антошей за одну ночь столько хлеба убирают, что мне и за год не убрать... А раньше ма-ялись как... от зари до зари спину не разгибали, и все даром. Теперь благодать — садись за руль и пой себе!.. Вот она жизнь-то какая стала! Спишь! Ну, ну. Спи... Должно, подходящая невестка будет... В работе проворная, к старшим уважение имеет... (Подходит к воротам конюшни, прислушивается.)

Из темноты, крадучись, выходит Архип.

Архип. Энтип! Эй, Энтип!

Энтип. Кто там?

Архип (подходя). Слушай, Энтип...

Энтип. Чего тебе?

Архип. Поговорить... поговорить надо.

Энтип. О чем нам говорить? Ворюга ты!

Архип. Господь с тобой!

Энтип. Ворюга! У кого крадешь? Нешто так можно: один работает, другой ворует?!

Архип. Нечаянно я... Не выдавай, Энтип. Век не забуду.

Энтип. Нечаянно и волк овцу зарезал!.. Не проси.

Архип (злобно). А чем ты докажешь? Чем? Не пой-

манний — не вор. Ненавидишь ты меня, все знают! По злобе клеветашь. По злобе! А? Что? Чем докажешь? Петуха своего чумазого опять принесешь?

Энтип. Ты вор. К тому же и пойманный. Утром покажу твою телегу председателю. Ворованная-то пшеничка там след оставила..

Архип. Пожалей, сосед!..

Энтип. Уйди!

Архип (угрожающе). Ну, ладно! Прощай, сосед!.. (Уходит.)

Заржала лошадь.

Энтип. Потерпи, потерпи, «Чумак»... Пора, видно, поить тебя... (Достает из кармана будильник и прикладывает к уху). Вот, каналья, остановился... Пойду-ка в избе сверю...

Уходит. Зажженный фонарь остается у конюшни. Тишина.

Архип (крадучись перелезает через изгородь). Ищи завтра следы...

Быстро поднимается по лестнице на сеновал, запирает дверь снаружи; спустившись вниз, берет фонарь и вбегает в конюшню. Появляется Энтип с полным ведром, ставит его у входа в конюшню. Хочет открыть дверь. Навстречу вдруг выскакивает Архип и с ходу сбивает Энтипа, ударив его по голове. Энтип на мгновение теряет сознание. Архип за ноги волочет его в конюшню и, выбежав обратно, быстро подкатывает двуколку с бочкой к воротам конюшни. Подпирает ворота оглоблями, шмыгает в темноту. Через минуту в щелях конюшни показывается огонь. Слышится слабый стон.

Энтип (из конюшни). То-о-ня... Тоня!

На сеновале раздаются сильные удары в дверь.

Тоня (с сеновала). Дядя Энтип. Открой... Открой!

Энтип. Тоня! Сюда! Скорей сюда!

Тоня (ударом ноги выбивает доску, протискивается в щель и прыгает с сеновала). Ай!

Подскакивает к висящему рельсу, сильно и часто колотит по нему железной палкой.

— Пожар! Помогите! Пожар!

Энтип. Запасные ворота открой! Запасные... Зови людей...

Тоня, оттолкнув двуколку от двери, бежит за конюшню. Вскоре раздается скрип открываемых запасных ворот, топот и ржание перепуганных коней, вырвавшихся на волю.

Энтип. Туши солому... солому туши!.. Ну, ну... «Марат»!.. «Бирюк»!.. Пошел, пошел! (*Удары хлыста.*)

Тоня. Сгоришь, дядя Энтип... Рубаха загорелась... «Артем», беги милый... Ну-ка!..

Энтип. «Жемчуга» выводи!.. «Жемчуга»! «Сивку» я сам...

Тоня. «Жемчуг»!.. «Жемчуг»!.. «Жемчуг»... Дядя Энтип, горишь!

Сбегается народ с ведрами, баграми.

Соколов. Воду давайте! Воду!

Митруха. Оттаскивай солому!

Матвей. Огнетушитель где!

Настюк. Сюда, сюда! Тоне помогите!

Прибегают Сандор, Володя, Антоша и врываются в сарай.

Володя. А где папа! Эй, папа!

Постепенно огонь убывает. Подбегают Ульяна и Смолин.

Ульяна (*вытирая лицо платком*). Коней всех спасли?

Матвей Ильич (*выходит навстречу из сарая*).

Всех... Там еще солома тлеет. Тушат.

Смолин. Как же это? А?

Матвей Ильич. Никто толком не знает, Андрей Иванович. Может, от фонаря? (*Показывает обгоревший фонарь.*)

Смолин. Не может быть. Энтип всегда аккуратный был. Где он?

Анна (*прибегает*). О, господи, жив ли Энтип?

Хочет пройти в конюшню. Навстречу ей Митруха, Настюк, Степанида.

Митруха. Энтипа в конюшне нет... Нигде нет...

Ульяна. А Тоня?.. Тоня!

Голос Тони. Мама! Я здесь, здесь...

Прибегает Тоня. Ее лицо и руки в саже.

Ульяна. Ой, доченька! Ты же могла сгореть...

Смолин. Где Энтип Кириллович?

Тоня. Когда он выводил «Сивку», у него рубашка горела. Я остальных лошадей выгоняла.

Сандор (из конюшни). Отец! Эй, отец!..

Антоша. Вон он идет!

Со стороны поля медленно идет Энтип в обгоревшей одежде. На руках жеребенок, завернутый в кафтан. Навстречу ему бегут

Тоня, Сандор, Володя.

Энтип (подходит к Смолину). Твой-то... в огне родился...

Пошатнулся. Падает.

Смолин (подхватывая Энтипа). Машину...

Занавес

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНАЯ КАРТИНА

Издали доносится торжественная музыка. Мимо белого столба, что стоит на авансцене со стрелкой и надписью «К Голубой поляне», один за другим проходят празднично одетые люди. Справа с двумя девушками показался Антоша.

Антоша (*подмышкой баян*). Неужто без меня начали?

Одна из девушек. А ты что за персона?

Другая. Не хочешь ли к Энтипу в сыновья записаться?

Антоша. Сыновья — сыновьями, а Антоша сегодня достоин быть желанным гостем Энтипа Кирилловича! А знаете почему?

Девушки (*хором*). Ну, скажи!

Антоша. Скажу... Если Устюк, с одной стороны, Хрестюк — с другой, вознаградят меня соответствующими поцелуями... (*Подставляет щеку и закрывает глаза.*)

Девушки (*перешептываясь между собой*). Вот этого ты не хочешь, Антошка-картошка!.. (*Следует одновременная пощечина с той и с другой стороны.*)

Девушки убегают.

Антоша. Ну, погодите, придет время — сами напроситесь. (*Уходит вслед.*)

Появляются Матвей и Митруха. Оба в вышитых рубашках. Курят трубки.

Митруха. Как по-твоему, Матвей: всесоюзный староста сам приедет к нам на праздник?

Матвей. Ну, как ему везде поспеть! По Союзу таких знатных, как Энтип, теперь много... *(Глядя на карманные часы.)* Ежели будем так ползти — с носом останемся. *(Уходят.)*

Насвистывая веселую мелодию, справа выходит гоголем Шарашкин.

2-й чекист *(навстречу)*. Извиняюсь, вы будете гражданином Шарашкина?

Шарашкин. Да, я Шарашкин. В чем дело?

2-й чекист. Именем Российской Советской Федеративной Социалистической республики вы арестованы.

Шарашкин. Вы что, с ума спятили? Я протестую! Я иду на праздник...

2-й чекист. Руки вверх!

Шарашкин *(поднимает руки)*. Провокация!

2-й чекист. Полегче. Оружие есть? *(Обыскивает. Из кармана Шарашкина вытаскивает пистолет.)* Следуйте за мной. *(Уводит.)*

Быстро проходит Владимир с женой, одетой в белое концертное платье.

Владимир *(глядя на часы)*. Минут через пять они должны быть здесь. Олимпиада, ты не забыла, что отец наказывал?

Олимпиада. Нет, нет, Володя! Мне сегодня самой хочется петь. А как же с женитьбой Сандора?

Владимир. Ищет, наверное... Знаешь, что сказал ему отец?

Олимпиада. А что?

Владимир. «Подумай, говорит, перед тем, как брать жену, какую должен ты иметь жену»...

Олимпиада. И какую же он предлагает найти?

Владимир. Ищи, говорит, невесту, у которой гладки не столь бока и щеки, сколь повадки...

Олимпиада. А ты какую нашел?

Владимир. Таковую, какой нет другой на свете. *(Берет жену под ручку и уходят.)*

Слышны веселые голоса, задорный смех. Слева выбегает Тоня, в игривом настроении.

Сандор *(вдогонку)*. Тоня! Постой!

Тоня. Что, Сандор?

Сандор. Ну, все! Все, все... Больше не отговариваться тебе.

Тоня. Сандор, ну, подумай..

Сандор. Нечего тут думать. Решено окончательно и бесповоротно!

Тоня. И без благословения родителей?

Сандор. Заедем на Голубую поляну, и там перед всем народом нас благословит отец.

Тоня. У него сегодня свой праздник.

Сандор. Распишемся — будет двойной праздник.

Тоня. Ой, мама, мама!.. *(Полна игривости.)* Пове-
зешь на своем тракторе или на отцовском рысаке?

Сандор. На чем душа желает. Эх, золотокудрая ты
моя! *(Уносит на руках.)*

Медленно открывается занавес. Музыка звучит все сильнее.

Тихий солнечный день. Ровной синевой залито все небо. За голу-
бой поляной раскинулось пшеничное поле, видны большие постройки.
На правой стороне — длинный стол.

Слева — большой дуб, рядом — сорокаведерная бочка с пивом.

Владимир, Олимпиада, Антоша оживленно беседуют
с группой девушек и парней. Матвей, Митруха, Соколов
и другие составляют компанию пожилых. Настюк и Степанида
накрывают стол.

Соколов *(глядя вверх, на дуб)*. Ну, ничего не ви-
дать там? Что?.. Ты, Петрусь, не части как пулемет, яснее
говори. Что, что?!.. Фу, решительно ничего не понять. Ан-
тоша, останови-ка музыку!

Голос *(с верхушки дуба)*. Выехали. Едут, едут!..

Соколов. Ну, говори, что тебе видно? Кто едет?

Голос. Две машины и две лошади! А дядя Энтип
с каким-то военным на своем «Жемчуге» катит!

Антоша. Едут! Едут!

Соколов *(впопыхах)*. Настюк, у вас готово? Смот-
рите, чтобы угощение выглядело как полагается.

Настюк. За нас ты не бойся, Петр. Гостей встречай!

Антоша *(подбегает)*. Товарищ бригадир, какую му-
зыку дать?

Соколов. Какая на свете есть — всю давай!

Антоша скрывается за дубом. Снова раздается торжественная
музыка. Народ идет в глубь поляны, на переднем плане почти никого
не остается. Слышны сигналы автомашины.

Справа появляются Смолин, Ульяна, ее сын Миша в форме танкиста, Энтип, Анна, Кокшаев. Колхозники встречают их возгласами и аплодисментами.

Смолин здоровается со всеми за руку.

Антоша и Владимир подбегают к Мише Пинарину.

Владимир (с распростертыми объятиями). Миша! Ну что, можно поздравить тебя с окончанием первого курса! Миша. Да, первый рубеж взят.

Владимир. Поздравляю, поздравляю! Ты не знаком? Моя жена Олимпиада Аркадьевна.

Миша. Очень рад. Михаил Пинарин. (Целует руку.)

Олимпиада. Олимпиада.

Владимир. Вот и наш штурвальный и покоритель сердец!

Антоша (обнимая Мишу и Владимира). «Три танкиста, три веселых друга, — экипаж машины боевой...»

Миша. Без Сандора нам не составить такого экипажа. Где же он?

Антоша. Формирует собственный экипаж!

Смеются.

Кокшаев (подходит и берет Володю за плечи). Вот ты какой у меня стал, Владимир Алмазов-младший!..

Владимир. Я-то что, Георгий Михайлович... (Показывая на Мишу.) Вот он, наша броня!

Кокшаев (ласково похлопав Мишу по плечу). Давно ли я ему двойки ставил, а теперь глядишь — круглый отличник!

Миша. Служу Советскому Союзу!

Настюк. Это чей будет?

Смолин. Не узнала? Сын Ульяны Васильевны!

Ульяна (обнимая сына). Мой, мой! Наследник Никиты Петровича.

Энтип. Погодите, погодите... (С шутливой строгостью.) А кто его крестный отец?

Ульяна. Конечно вы, Энтип Кириллович! Вы!.. И Сандор, и Владимир, и Миша, и Антоша — все ваши сыновья.

Энтип (с достоинством). То-то!

Смех.

Анна. Богат стал он у меня!

Соколов. Ульяна Васильевна, у нас все готово!

Ульяна. Гостей к столу приглашай.

Соколов. Товарищи! Прошу за стол!

Гости занимают места за столом. Энтип, Анна, Смолин, Миша, Кокшаев садятся рядом.

Ульяна. А почему бы рядом с Энтипом Кирилловичем не сесть его сыновьям и невесткам?

Митруха. Правильно! По чести и заслугам и рассадить.

Степанида. Давно бы так!

Настюк. Сами бы должны догадаться.

Антоша (*Владимиру и Олимпиаде*). Марш на свои места!.. Теперь и мне место досталось. (*Садится на место Володи.*)

Ульяна. А где же старшой Энтипа Кирилловича?

Степанида. Что-то и твоей дочки не видно, Ульяна...

Кокшаев. Понятно...

Антоша (*стараясь замять разговор*). «Заздравную чару до края, до края нальем, застольную песню, играя, споем...»

Соколов. Терпенье, Антоша, терпенье!

Ульяна. Дорогие товарищи! Друзья! Наша «Голубая поляна» всегда была местом радостных встреч и больших народных торжеств. Сегодня мы собрались сюда, чтоб чествовать прославленного труженика нашей артели — уважаемого Энтипа Кирилловича Алмазова.

Аплодисменты.

— В его жизни произошло два знаменательных события: во-первых, ему сегодня исполнилось шестьдесят лет...

Антоша на баяне играет туш.

— Во-вторых,— а это, пожалуй, самое главное... Об этом лучше пусть скажет вам наш депутат, секретарь райкома партии Андрей Иванович Смолин!

Напряженная тишина.

Смолин (*открывает папку с красной обложкой и начинает торжественно читать*). «Указ Президиума Верховного Совета Союза ССР о награждении Алмазова Энтипа Кирилловича орденом Трудового Красного Знамени. За заслуги в деле развития племенного коневодства и прояв-

ленный в охране общественной собственности подвиг награждать члена сельхозартели «Советская Чувашия» — старшего конюха Алмазова Энтипа Кирилловича орденом Трудового Красного Знамени...»

Восторженные аплодисменты. Все встают. Энтип выходит из-за стола и подходит к Смолину.

— *(Прикалывая к груди Энтипа орден.)* Позвольте мне по поручению Президиума Верховного Совета горячо поздравить Вас, Энтип Кириллович, с высокой правительственной наградой и пожелать Вам доброго здоровья и новых трудовых успехов!

Шумные аплодисменты. Смолин и Энтип обнимаются. Антоша играет туш.

Ульяна. Еще один сюрприз, Энтип Кириллович: решением правления и партийной организации Ваше имя заносится в «Почетную Книгу трудовой славы и героизма» нашего колхоза. Я горжусь Вами и от души поздравляю.

Антоша снова играет туш.

Энтип *(взволнован)*. Не слишком ли много почестей оказано мне, Ульяна Васильевна?.. *(Пытается еще что-то сказать, но не может. Обращаясь к народу.)* Налейте-ка всем...

Все наполняют бокалы.

— Дорогие мои односельчане! *(Поворачиваясь в сторону жены.)* Аннушка!

Анна. А меня-то зачем, Энтип? Мы с тобой всю жизнь вместе, народу говори.

Энтип. Сыновья и невестки! Мой дорогой друг Андрей Иванович!

Смолин встает и кланяется.

— Моя светлая душа Ульяна Васильевна! Уважаемый Георгий Михайлович! Родные люди!.. И Никите Петровичу мне хотелось сегодня сказать слово... Эту награду я получаю с глубокой радостью, с чувством благодарности и любовью к родной советской власти. Сколько доброго, хорошего сделала она для меня — не счесть мне... Моего старшего и сиротку она посадила на трактор и комбайн, из младшего сделала доктора, а самого соединила с народом.

Советская власть осветила мою избу электричеством, указала мне путь к добру, навеки сроднив с русским народом. Эта дружба возвеличила славу моего народа, приумножила его силы... Спасибо ей, спасибо всем вам.

Все поднимаются с мест, приветствуют Энтипа.

— Ульяна Васильевна! Мне еще многое хотелось сказать, да слов не нахожу. Хотя по годам я и стар, но дело свое оставлять не собираюсь,— вот вам мое слово. (*Поднимаемая чарку.*) Во славу нашего отечества!

Смолин. За нашу партию!

Все встают, чокаются. Владимир, Антоша, Миша подбегают к отцу и качают его на руках.

Ульяна. За здоровье Энтипа Кирилловича и его супруги Анны Егоровны!

Кокшаев. За их орлят!

Матвей. Ну, соседushка, не мало мы горя хлебали, давай уж теперь и на радостях выпьем.

Митруха. И без Митрухи бражки не выпьешь!

Владимир. Ульяна Васильевна! Моя Олимпиада в честь отца хочет спеть свою любимую...

Ульяна. Пусть споет, да как следует!

2-й чекист (*прибегает справа*). Ульяна Васильевна! Товарищ Смолин! За вами срочно из района.

Все притихли.

Митруха. Председателю и в праздник покоя нет. Скажи, пусть подождет.

Настюк. Не горит, чай.

2-й чекист. Извините, срочное есть передать.

Ульяна, Смолин, Соколов поспешно уходят.

Миша. Спой, Олимпиада!

Настюк, Степанида. Просим, доченька! Просим!

Антоша. Не доченька, а актриса!

Олимпиада (*подходит к Энтипу*). Эту песню я спою, отец, в честь твоей трудовой славы...

Антоша. Аккомпаниатора не нужно вам?

Олимпиада. Разве в вашем колхозе имеется и такой музыкант?

Антоша. А таланты разве только в столице рождаются? Надо будет — можем и со столичными соревноваться!

Смех.

Олимпиада. Прошу, маэстро! «Моя родная сторона...» (Поет.)

Простор великий предо мной...
Река, и плещется волна.
Как хорошо в стране родной,
Где счастлив труд
И мысль вольна!

Издали доносится звон бубенцов и колокольчиков. За Олимпиадой песню подхватывают все:

Трудом здесь славен человек,
Как стяг им песня взметена.
Не разлюбить тебя вовек,
Моя родная сторона!

Звон бубенцов и колокольчиков заглушает песню. Слева появляются Сандор и Тоня (идут под ручку).

Антоша. Дорогу! Дорогу жениху и невесте!

Сандор и Тоня подходят к праздничному столу и становятся на колени перед Энтипом.

Сандор. Папа! Мама! Благословите нас: мы едем расписываться.

Кокшаев. Лучшей пары и не сыскать!

Торжественная тишина. Все, затаив дыхание, стоят в ожидании, что скажет Энтип.

Энтип. У нашей большой семьи есть главная хозяйка, мать невесты. Поначалу спросим у нее. Что скажет Ульяна Васильевна.

Голоса:— Ульяна Васильевна!
— Ульяна Васильевна!..

Настюк. Идет, идет.

Тоня (бросается навстречу матери). Мама... Я счастлива, очень счастлива...

Ульяна (прибегает очень взволнованная). Тоня! Миша!.. (Обнимает дочь, обращаясь ко всем.) Война!..

Все замирают на месте.

Анна. Ах, Володя!.. Сандор! Дети...

Матвей (нахмутив брови). Что ты говоришь, Ульяна Васильевна?

Ульяна. Только что по радио передали.

Кокшаев. В такой светлый, праздничный день — всйна... Какая несуразность!

Палеев (входит торопливо и, ни с кем не здороваясь, открывает папку). Алмазов Сандор Энтипович! Вас вызывают на призывной пункт. (Дает повестку.)

Тоня. Сандор!

Палеев. Антонов Антон Антонович...

Антоша (делает два шага вперед). Есть такой!

Палеев (дает Антоше повестку). Пинарин Михаил Никитич..

Миша. (отдав честь). Есть!

Палеев. Вам из Ленинграда телеграмма: предлагают сегодня же вернуться в бронетанковое училище... (Дает бумагу.) Алмазов Владимир...

Владимир. Я готов.

Олимпиада в слезах обнимает Владимира.

Анна, убитая горем, подходит то к сыновьям, то к невесткам. Возвращается Смолин.

Матвей. Как же так? А мирный договор?!

Смолин. Гитлер хочет всем миром завладеть. Ему нужны пространство, капитал... Ну что ж, коли ему очень хочется нашей земли,отрежем в длину два метра, в ширину один! Вот и всё.

Энтип (после долгого молчания подходит к сыновьям и, обняв за плечи, медленно ведет их к дубу). По преданию дедов, этот дуб пять столетий стоит, как великан. Сколько раз поражала его молния, а он не погиб, не высох. Вокруг него, посмотрите, сколько поднялось молодых дубков!.. Вот так и Родина наша... Не раз нападали на нее враги... Но стоит она, как дуб, не сгибается... Вот и снова напал на нас сатана. Что и говорить, победить его нелегко будет. А нужно биться и одолеть...

Занавес

О ДРАМЕ «ЭНТИП»

Тема драмы Василия Ржанова «Энтип» — рождение и становление нового, социалистического человека, превращение его в сознательного строителя коммунистического общества под влиянием идей великого Ленина. Вместе с тем в пьесе выражается идея братской дружбы народов Советского Союза в деле социалистического преобразования экономики и культуры страны. В центре композиции драмы находится образ крестьянина-середняка Энтипа, который долгим и сложным путем пришел к пониманию правомерности социализма, его исторически необходимой в условиях деревни колхозной формы.

Драматическая ситуация воплощается в особенном действии, имеющем конфликтный характер. Она одновременно является и причиной сценических событий, и отражением реальных жизненных противоречий. В пьесе «Энтип» — две основных конфликтных линии: это, с одной стороны, яростное сопротивление колхозному движению кулачества, с другой — «две души» (Ленин) в крестьянине Энтипе Алмазове.

Образ Энтипа — один из самых развернутых характеров во всей чувашской драматургии. К социалистическому сознанию Энтип пришел от патриархального двоеверия, которое зиждилось на языческих верованиях и церковно-христианском вероучении, веками складывавшейся в крестьянстве мелкобуржуазной психологии. Вот мы видим его с молитвенно сложенными руками перед божницей с иконами или в сцене гадания с вымазанным сажей петухом, когда обнаружилось, что у него пропали деньги. Как он невежествен, дик!.. Вот Энтип шумно сетует на то, что ему приходится отдавать часть своего хлеба государству. Когда же его сын «подался в колхоз», он выгнал его из своего дома. Видели в нем душу собственника и кулаки, коштаны вроде Ахмара и Чишки.

Однако Энтип — человек труда. Он страстно любит землю, крестьянскую кормилицу — лошадь, весь процесс своего нелегкого труда хлебороба. Чутьем труженика он угадывает в великом Ленине друга крестьянства, мудрого руководителя народных масс, «правильного человека», и ленинская правда побеждает. Нельзя без волнения видеть, как Энтип, склонившись над столом, где лежит заявление о его приеме в колхоз,

медленно, букву за буквой выводит сыю фамилию. В труде на общее благо он растет духовно, становится истинным патриотом своего социалистического отечества, начинает видеть благородство человека в том, чтобы служить народу. 1941 год... Страшная весть о войне... Но мы знаем, что не дрогнет Энтип, не опустит рук, а все свои силы отдаст делу победы над коричневой чумой. «Не раз нападали на нее враги,— говорит он о нашей Родине.— Но стоит она, не сгибается... Вот и снова напал на нас сатана. Что и говорить, победить его нелегко будет. А нужно биться и одолеть»... Этими словами колхозника-орденоносца Энтипа заканчивается пьеса. На всем ее протяжении он движется, согретый авторской симпатией, и это передается зрителю.

Живую среду сценического действия составляют другие образы пьесы — коммуниста Никиты Пинарина, убитого кулаками в разгар массовой коллективизации, представителя партии путиловца Смолина, батрачки Ульяны, ставшей агрономом и председателем колхоза, крестьян Митрухи и Матвея, представителей колхозной молодежи Володи, Сандора и Антоши. Все они даны в развитии, становлении свойств и качеств советского человека.

Группа лютых врагов колхозного строя представлена образами Ахмара, Чишки Колубаева, Архипа и др., которые действуют по указке двурушника Шарашкина, хитро замаскировавшегося врага и злостного вредителя.

В драме «Энтип» использованы многие разновидности художественного отображения действительности. Местами она очень лирична, комизм положений и характеров выступает в таких, например, образах, как Антоша и Сандор и, в ряде отношений, землемер Кирилл Романович («межевой», как его по-старинному называет Энтип), богато представлена она элементами устной поэзии. При всем этом основа ее — реализм, что выражается, в частности, в построении сюжетной линии пьесы: динамика ее развития трактуется автором, главным образом, как форма раскрытия образов в их связях с «пестрой и сложной путаницей жизни» (М. Горький).

Может быть, к автору драмы следовало бы предъявить и претензии: местами растянут диалог, некоторые сцены довольно неожиданны. Однако погрешности частного искупаются качеством целого.

Драма «Энтип» — существенный вклад в чувашскую драматургию.

Н. С. Павлов.

Цена 22 коп.